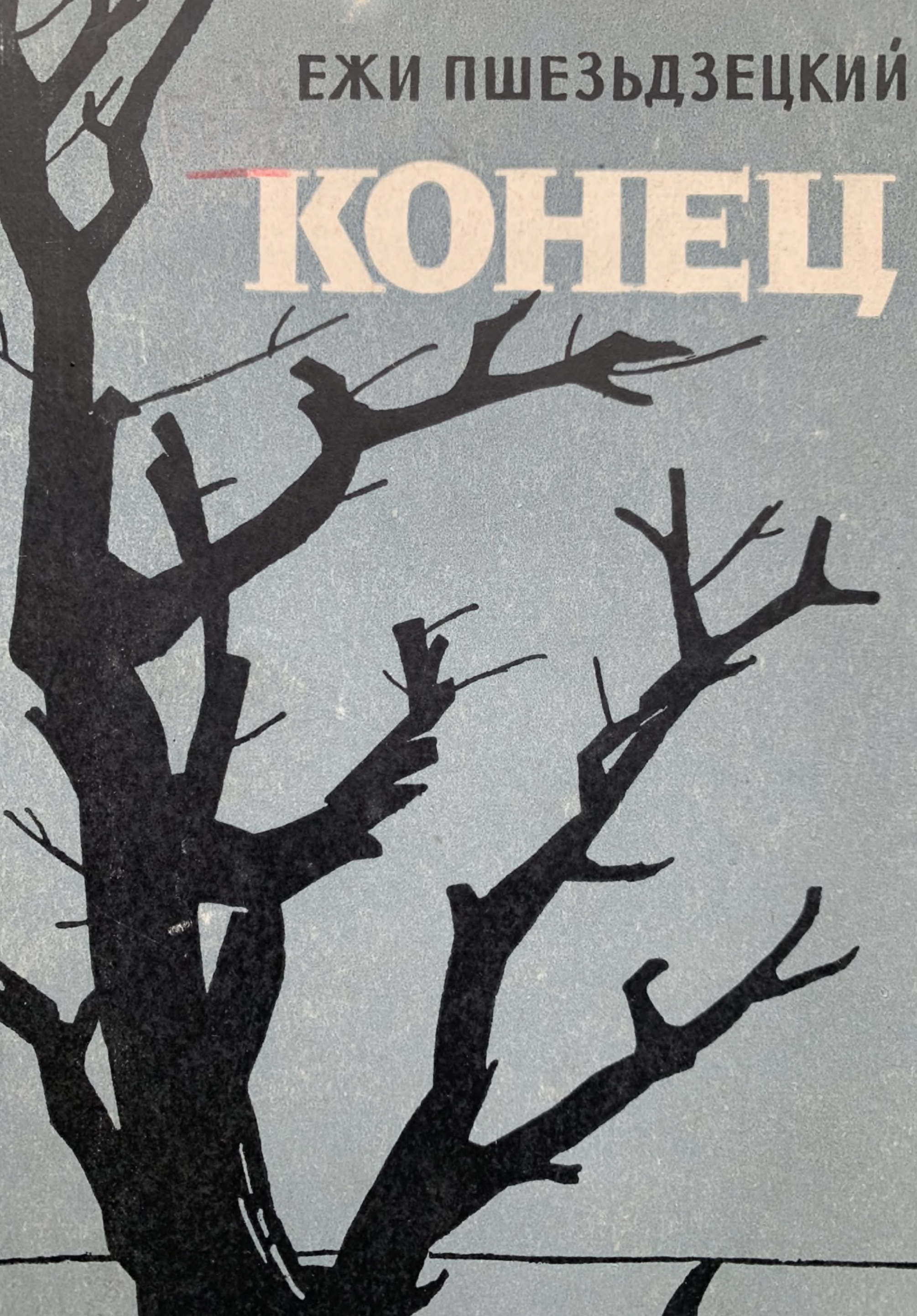

ЕЖИ ПШЕЗЬДЗЕЦКИЙ
КОНЕЦ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ
СССР

JERZY PRZEŹDZIECKI

KRES

WYDAWNICTWO MON
WARSZAWA 1962

ЕЖИ ПШЕЗЬДЗЕЦКИЙ

КОНЕЦ

*Перевод
с польского*

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА • 1965

Ежи Пшезьдзецкий

КОНЕЦ

Повесть

(Перевод с польского)

Ежи Пшезьдзецкий — молодой польский прозаик, автор сборника новелл «Ягуар» и киносценариев, по которым поставлены фильмы «Приговор» и «Еще один, которому нужна любовь».

«Конец» — название символичное. Этим названием автор как бы выносит приговор реакционным силам, заклейменным историей, пытавшимся повернуть Польшу на антидемократический, антинародный путь. Но польский народ пошел не за ними, а за своим передовым отрядом, за Польской рабочей партией, которая провозгласила лозунг беспощадной борьбы с гитлеровскими оккупантами.

На примере двух отрядов: советского, состоявшего из военнопленных, бежавших из Освенцима, и польского, отделившегося от основных сил Армии Крайовой, автор раскрывает тему дружбы и единения польского и советского народов.

В тяжелую минуту, когда гитлеровцы окружили оба отряда, польские солдаты — простые крестьяне, отравленные угаром националистической пропаганды, — приходят к пониманию того, что только вместе с советскими людьми они одолеют общего врага.

Перевод с польского
В. Головского и С. Ларина

Муравей, тащивший на себе мертвого сверчка, наткнулся на гладкий камень и замер. Быстро перебирая лапками, он сделал отчаянную попытку преодолеть внезапное препятствие на своем пути, и в этот момент его придавила рука человека. Рядом с ней появилась другая, более проворная. Она схватила валявшийся в траве нож — и тотчас раздался мучительный хриплый стон.

То, что здесь происходило, не было похоже на забаву. У самого обрыва бились не на жизнь, а на смерть два человека. Измятая, вытоптанная вокруг трава безмолвно свидетельствовала о жестокой и продолжительной схватке.

Автомат и развязанный вещмешок были отброшены далеко в сторону от груза, прикрепленного к спутанным парашютным стропам.

Светало. Над куполообразными холмами, проступавшими из тумана, повис багровый

диск солнца. Пропасть, словно каменная рана, резко пересекала склон. Метрах в пятидесяти от места схватки неясно темнели очертания каких-то развалин.

Далеко внизу, у подножия белых скал, стоял покосившийся барак. С вершины горы почти до самого барака тянулся заржавевший желоб, видимо служивший прежде для транспортировки каменной породы.

Один из боровшихся неожиданно привстал и невероятным усилием вырвался из тисков своего противника. Его израненное лицо застыло в напряжении и напоминало маску. Разбитые губы кровоточили. Другой — человек с бессмысленно блуждающими глазами, в изодранной в клочья рубахе — был на грани полного изнеможения. Он тяжело дышал. Шатаясь, человек с ножом рванулся вперед. Стоявший на коленях вдруг поднялся и бросился от него по краю каменоломни. Он бежал с таким усилием, словно на его плечи навалился огромный груз.

Оба еле держались на ногах и передвигались с огромным трудом. Вдруг преследуемый споткнулся и упал. Это было так неожиданно, что человек с ножом, не успев остановиться, невольно повалился на него. Два тела снова сплелись в тесном объятии.

Внезапно рука, сжимавшая нож, взметнулась и опустилась. Решив, видимо, что он нанес своему противнику смертельный удар, а может быть, просто окончательно обессилев, обладатель ножа ослабил объятия. И это погубило его. Сначала одна рука с вытатуиро-

ванным лагерным номером, а за ней и другая мертвой хваткой сомкнулись на его горле.

Раненый не обращал внимания на судорожные рывки противника. По его лицу катился пот, смешанный с кровью, но он ни на мгновение не разжимал пальцев. Человек с ножом попробовал было еще раз поразить врага своим оружием, наугад нанося бешеные удары, но руки, стиснувшие его горло, давили все сильнее и сильнее. Он судорожно дернулся и затих.

Сойка, беспокойно прыгавшая по ветке ближайшего дерева, замерла, удивленно склонив голову набок, при виде поднявшегося с земли человека. Высоко в небе заливался жаворонок. Воздух звенел от стрекота кузнечиков и жужжания пчел, а на примятой траве неподвижно застыл человек, устремив к кровавому диску солнца остекленевший взор.

Тот, что стоял над ним, пошатнулся и застонал. Казалось, что он вот-вот рухнет рядом со своей жертвой. Покачиваясь на широко расставленных ногах, он с трудом удерживал равновесие. Потом, словно внезапно вспомнив о чем-то, оглядел свои покрытые грязью руки — они мелко дрожали. С трудом он извлек из кармана брюк две небольшие плоские коробки и негнущимися пальцами неловко открыл одну из них. Внутри оказались лишь мелкие осколки стекла. Беззвучно пошевелив губами, он проверил содержимое второй коробки. Она не пострадала в схватке: стеклянные ампулы были плотно уложены одна к другой. Лицо его прояснилось.

Самолет с черными крестами на крыльях

низко пронесся над светлой лентой шоссе. Человек проводил его ненавидящим взглядом. Затем расстегнул рубаху, коснулся рукой кровоточащей раны на животе и ощупал штанину, липкую от крови. Движения его сделались поспешными, лихорадочными. Он приблизился к лежащему в траве грузу и потащил его к развалинам. Ценой громадных усилий ему удалось втащить груз в подвал. Он ступал по земле неуверенно, как ребенок, который только учится ходить. Иногда, слабея, опускался на землю, но усилием воли заставлял себя подниматься. Однако минуты слабости, забытья становились все более продолжительными.

В каменоломне царили запустение и хаос. Внизу, у подножия обрывистых скал, валялись перевернутые вверх колесами три вагонетки. Здесь заканчивался желоб. Барак заметно обветшал от времени и покосился. Возле него валялись какие-то металлические предметы.

Человек спустился на несколько метров вниз и двинулся дальше, туда, где виднелись деревья. Висевший на плече автомат при каждом шаге больно колотил его по боку, но у него уже не хватало сил, чтобы забросить его за спину.

Солнце стояло в зените и палило немилосердно, когда он, окровавленный, запыленный, миновал выступающие из воды остатки взорванного железнодорожного моста. Он прошел уже около трех километров. Вершина, где недавно происходила смертельная схватка, осталась далеко позади. Зеркальная по-

верхность воды слепила глаза. Он ополоснул лицо. Это стоило ему неимоверных усилий, так как малейшая попытка нагнуться отзывалась резкой болью во всем теле.

Когда он достиг маленькой рощицы близ дороги, силы окончательно оставили его. На расстоянии каких-нибудь ста метров от этого места, на склоне холма, виднелся дом. Вдруг он услышал шум моторов и лающие звуки немецкой команды. Раненый осторожно раздвинул ветви, но тотчас отпрянул назад. Молодая женщина в широкой развевающейся юбке бежала прямо к его укрытию.

— Halt! Halt![1] — неслось ей вслед. Полоснула автоматная очередь. Женщина приникла к земле.

— Du, verfluchte Hexe![2] — снова крикнул кто-то.

Длинная очередь прошла низко над землей, но женщина уже успела укрыться в кустах на краю леса и, лежа неподалеку от раненого, тяжело дышала.

Автомат бил теперь короткими очередями. Через минуту до их укрытия донеслось блеяние овец, а потом затарахтел автомобильный мотор.

— О господи! — женщина рванулась из кустов.

— Нельзя! — шепотом остановил он ее, сделав выразительный жест рукой. — Они еще не уехали.

— Кто здесь? — в страхе вскрикнула она.

---

[1] Стой! Стой! (*нем.*)
[2] Ты, проклятая ведьма! (*нем.*)

Пожалуй, его лицо испугало женщину не меньше, чем гнавшиеся за ней гитлеровцы. Женщина мгновенно вскочила на ноги, и, если бы он не удержал ее, немцы наверняка заметили бы обоих с отъезжающего грузовика. Еще одна автоматная очередь прошла над их головами. Потом блеяние овец и гогот солдат, удаляясь, постепенно стихли.

— Атаман! — удивленно воскликнула женщина, не веря своим глазам. — Разве ты не пошел вместе с отрядом?

— Нет! — Он тяжело поднялся и, неестественно согнувшись, вышел на опушку леса. Женщина последовала за ним и тут увидела обезумевших от ужаса овец, которые разбегались по полю.

— Боже милостивый! Овец разогнали! — простонала она и бросилась вперед. Пошатываясь, Атаман двинулся за ней. Кое-как ему удалось камнями подогнать к дому трех тощих овец, остальные рассеялись по лесу. Приходилось охотиться за каждой в отдельности. Едва держась на ногах от изнеможения, он бродил вокруг, высматривая среди деревьев их смешные розовые тельца (все овцы были острижены). Уцелевших овец удалось согнать на луг возле дома, и теперь они находились в полной безопасности. И тут силы окончательно покинули его. С лицом, искаженным от боли, он подбежал к двери и толкнул ее плечом. Сделав несколько неуверенных шагов, склонился над кухонным столом, уцепившись руками за его края.

— Атаман! — Женщина стояла за его спиной. — Ты что, пьяный?

Но ее голос не доходил до сознания раненого. Пятна и зарубки на грубой сосновой крышке стола поплыли у Атамана перед глазами. Он пошевелил губами, словно пытаясь что-то сказать, и тяжело повалился вперед, прямо на стол.

Отряд остановился на высоте. Люди тяжело дышали от усталости. Золотистые хлеба начинались прямо из-под их запыленных сапог, исчезая вдали, у круто обрывающегося склона горы. Скалы обступали поле со всех сторон.

Одиннадцать обросших, потных, покрытых пылью людей не сводили глаз с дрожавшего от страха деревенского парнишки в потрепанных штанах, который стоял перед командиром. Вид этих пестро одетых, до зубов вооруженных людей и голос Дзядека, их командира, высокого худощавого человека, совсем парализовали мальчишку.

— А потом скажи этому... как его там? Снова, пся крев, забыл! — выругался Дзядек.

Парнишка судорожно проглотил слюну.

— Ковалик,— пробормотал он.

— Так вот, скажешь этому проклятому Ковалику, что мы сожгли его хлеб потому, что он не хотел дать нам лошадь. Так партизаны ПНБГ карают изменников! Понял?

Напуганный воинственной физиономией Дзядека, паренек вытаращил глаза и, переступив с ноги на ногу, кивнул головой.

— А ты знаешь, что такое ПНБГ? — спросил Дробный. Глаза мальчика еще больше округлились. Он замер.

— Да раскрой ты, наконец, пасть, холера! — заорал Дробный.

— Я... не знаю... — Голос мальчика дрогнул.

— Польская независимая боевая группа! Ну, а теперь проваливай! — Дробный подошел к нему совсем близко.

— Видал дурака? — Он быстро вынул из кармана зеркало и приставил его к самому лицу мальчугана. Кто-то захохотал. Дробный, весьма довольный собственной шуткой, изобразил на лице кривую улыбку.

— Мотай! Живо! — Дробный дунул ему в глаза и ткнул пальцем в шею. Мальчишка, издав какой-то неопределенный звук, только теперь, казалось, понял, что от него хотят, и сломя голову бросился прочь.

— Пух! Пух! — кричал ему вдогонку Дробный, подражая звукам выстрелов.

— Заткни глотку! — обернулся к нему Станьчик, молодой капитан в хорошо сшитом мундире, который он носил с нарочитой небрежностью.

— Сцежка! — рявкнул вдруг Дзядек.

С земли не спеша поднялся широкоплечий мужчина с круглой, заросшей щетиной физиономией.

— Поджигай! — Дзядек махнул рукой на поле.

— А если швабы... того... заметят? — замялся Сцежка.

— Не бойся! Сейчас войдем в лес. — Полковник перебирал в руках ремешок от бинокля.

— Дыму-то сколько будет! Этакое богат-

ство! — Сцежка оторопело глядел на волнующийся под легким дуновением ветра хлеб.

— Сказано — не бойся! — повторил со зловещими нотками в голосе Дзядек. — Поджигай с подветренной стороны!

Дыхание Сцежки сделалось беспокойным, прерывистым.

— Не буду поджигать! — наконец выдавил он. — У крестьянина-то небось и была однаединственная лошадь, не то что у пана. Вот он и не хотел ее отдавать. — Сцежка волновался, говорил с трудом, путано и сбивчиво. — Наверняка ведь он детей своих последнего куска лишал, только чтобы поле засеять! Жену-старуху в поле гнал, сам вставал чуть свет! Это понимать надо! Хоть стреляйте меня, а поджигать не буду! — Дрожащими руками он рванул ворот рубахи.

— Обойдешься и без пули! — поморщился полковник. — А ну, связать его!

Подоспел Дробный, за ним еще двое. Сцежке скрутили руки.

— Не трожьте крестьянское добро! Своих убиваете! Грех, большой грех на душу берете! — Сцежка с криком упал на землю.

— Истерик, пся крев! — выругался полковник, бросив взгляд на Станьчика, но тот отвел глаза в сторону. Полковник посмотрел на часы.

— Начинайте! — буркнул он стоявшим рядом.

Дробный поджег широкие газетные листы и метнул их вперед. Хлеб, прокаленный солнцем, вспыхнул в одно мгновение. Ветер разметал пламя, оно взвилось так высоко, что

партизаны невольно отпрянули от этого огненного моря.

— Вот это да! — с восхищением пробормотал Трык, протирая заслезившиеся глаза. Полковник закашлялся от дыма. Сцежка смотрел на гибнущее поле с отрешенным видом.

Из дыма и пламени неожиданно вырвался обезумевший от ужаса заяц. Вначале он мчался прямо на людей, но чуткое обоняние вовремя предупредило его о новой опасности. Заяц быстро скакнул в сторону, сделав отчаянный пируэт в воздухе. Затор схватился за автомат.

— Не стрелять! — рявкнул Станьчик.

— Мясо ведь, пан капитан! — Затор поморщился и опустил ствол.— Косой уж наполовину испекся, так и просился на мушку.

— Довольно! — резко оборвал его Дзядек.— Сцежка!

— Слушаюсь! — громко отозвался крестьянин, делая попытки освободиться от пут и недовольно поглядывая на остальных.

— Вот теперь мы поговорим! Я заставлю тебя уважать воинскую дисциплину! — Полковник шагнул к нему. — На колени!

Сцежка тяжело опустился на землю.

— Догадываешься, в чем дело? — зло усмехнулся Дзядек.— Камни!

Партизаны угрюмо подходили к стоявшему на коленях Сцежке, и каждый опускал по камню в пустой вещмешок за его спиной. Вещмешок по мере наполнения сползал все ниже и ниже. Через минуту поблизости уже не осталось ни одного камня, и их пришлось

разыскивать подле хилых елок, росших на склоне горы. К этому времени столб огня поднялся уже до уровня ее вершины.

— По-моему, хватит, — нерешительно сказал Шмель.

— Еще! — Дзядек на минуту отнял от лица платок, которым закрывался от дыма. — Для меня это тоже неприятное зрелище. Но все вы давали присягу. А знаете, что по учению нашей святой церкви ожидает на том свете клятвопреступника?

— Вечные муки, — подходя с камнем в руках, хмуро пробормотал Трык.

— Да! Муки в огне адовом! Сцежка здесь пройдет через чистилище и там, в аду, ему уже не станут припоминать его прегрешения. — Полковник закашлялся, нервно поморщился. — Ну, хватит! Пошли!

Лес неожиданно кончился. Шмель взвел затвор автомата, выглянул из-за кустов, окаймлявших большую поляну, и бегом устремился вперед. Через минуту он присел, потрогал рукой землю. Отряд вышел на опушку.

— Опять этот проклятый песок! — не удержался кто-то.

Шмель, склонившись еще ниже, внимательно и сосредоточенно осматривал землю.

— Похоже, здесь прошли танки. — Он поднялся и заторопился вперед, удаляясь от остальных.

— Держаться левее, ближе к деревьям! Лесная прогулка кончается,— распорядился Дзядек и остановился, чтобы перевести дух.

— Выбрось камни! — сказал он, увидев в самом хвосте отряда Сцежку, который едва держался на ногах. Пропотевшая рубаха прилипла к его телу, по изможденному лицу градом катился пот, он хрипло дышал. Трык помог Сцежке снять вещмешок и выбросить камни.

Капитан Станьчик, обойдя их, остановился, присел и принялся подтягивать голенища своих хромовых сапог. Потом он посмотрел на проходящего мимо него бородатого поручника, голова которого была обмотана грязной повязкой.

Бородач кроме вещмешка и автомата нес под мышкой черный, поблескивающий полированной поверхностью ящик, напоминавший портативную пишущую машинку.

— Дик! — окликнул его капитан.

— Чего? — обернулся тот.

— У тебя найдется, чем промочить горло?

— Смеешься, что ли? Было когда мне о воде думать! Проверяли нас, — бородач понизил голос, оглядевшись по сторонам, — этой идиотской забавой в поджог.

— Забавой!.. Это не забава... Что там у тебя?

— Где?

— Да в этом черном ящике. — Станьчик не сводил любопытного взгляда с загадочного предмета.

— Арифмометр. Я нашел его на почте в Козянах во время нашей операции.

— Арифмометр? — удивился капитан. — Ты что, собираешься всех вшей на себе пересчитать?

— Это для отца.— Дик остановился.— Для фирмы.

— Для какой фирмы? — Брови Станьчика удивленно поползли вверх. — У твоего старика своя фирма?

Дик отрицательно покачал головой.

— Значит, была раньше? — не отставал Станьчик.

— Да нет же!

— А он сам-то хоть жив?

— Не знаю...

Взгляд человека с грязной повязкой на голове был устремлен куда-то в пространство. Станьчик недоуменно смотрел на него.

— Вперед, капитан! — окликнул его Дзядек.— Здесь мы как на сковородке — отовсюду видны!

— Похоже, что весь мир превратился в сковородку. С меня хватит! — сказал капитан, но все же нехотя побрел дальше. — Уже целую неделю не могу снять сапог из-за этого проклятого Алеши. Пан полковник, я даже забыл, как выглядит баня!

— И я забыл. А вас только это и волнует? Если окажется, что Косма так ничего и не обнаружил, то вам, пожалуй, уже никогда не придется снять свои сапоги.

— Сниму! Вон возле тех кустов. — Станьчик указал рукой. — Пусть даже если там окопалась целая немецкая дивизия!

Дзядек, громадным усилием воли заставлявший себя идти вперед, внезапно раскашлялся. Он сразу постарел, сник, сделался как бы ниже ростом. Капитан, молча наблюдавший

за ним, заметил вдруг, что остальные тоже остановились.

— Хотите, чтобы нас перестреляли как куропаток?! — рявкнул он. — Шире шаг!

Но люди не подчинились приказу, стараясь не встречаться взглядом с капитаном. Они смотрели на Дзядека, задыхавшегося от кашля. Полковник, не в силах вымолвить ни слова, повелительно махнул рукой, указывая в сторону недалеких уже кустов, и они медленно двинулись вперед. Приступ постепенно утихал. При каждом вздохе из груди пожилого человека в мундире вырывались свистящие звуки. Станьчик вынул из кармана кружевной носовой платок с замысловатой монограммой, украшенной короной, и протянул его полковнику.

Дзядек кивнул и отер платком губы и вспотевший лоб. Его руки мелко дрожали.

— Проклятые бронхи... Это от дыма у меня так... — прохрипел он обессиленно и снова закашлялся.

Так и не закончив фразы, он медленно выпрямился. Станьчик со свирепым видом подтянул свои сапоги. Группа двинулась дальше...

Дзядек разрешил отдых себе и людям только через два часа. Откуда он черпал силы — этого никто понять не мог.

Отряд сделал привал в роще. Уставшие люди с наслаждением растянулись на траве. Дзядек, опершись о чей-то вещмешок, тяжело дышал, неподвижно глядя перед собой.

Затор несколько минут ожесточенно че-

сался: в это лето невероятно расплодились вши. Поначалу с ними вели борьбу, натираясь керосином. Но потом, по мере того как немцев вокруг становилось все больше, приходилось волей-неволей думать о главном противнике. Вши окончательно утвердились в отряде. Их теперь, вероятно, было гораздо больше, чем боеприпасов.

— Нужно было послать двоих, — убеждал полковника Станьчик. — Такой груз — слишком дорогая вещь, чтобы его доверять одному человеку. Так худо с боеприпасами у нас еще не бывало. Надо вечером зажечь костры в районе Лисьей горы. Сбросить груз должны были именно там...

— Я сам знаю, что делать, — резко оборвал его Дзядек. — Груз, груз! Все только и твердят об этом грузе. Интересно, что вы скажете, капитан, если этот груз уже сброшен и, к примеру, попал к немцам? — спросил он.

— Что я скажу? — отозвался Станьчик, продолжая борьбу со своими сапогами, которые ему никак не удавалось стянуть с ног. — Скажу, что перестрелка с отрядом Алеши оказалась совершенно бессмысленной. Надо было действовать иначе. Мы потеряли не только людей, но и время. Вагон времени! Из-за этого проклятого Алеши я целую неделю не могу снять сапог!

Он встал и, отойдя подальше, уперся сапогом в камень.

— Осмелюсь заметить пану капитану, что сапог, если только он «засел», словно прирастает к ноге! Иной раз голенища даже резать приходится, — сказал Трык.

— С ума спятил — резать! — вскипел Станьчик. — По заказу в Варшаве шиты — две тысячи злотых за них отвалил.

Трык, расстегнув рубаху и обнажив волосатую грудь, с иронической усмешкой наблюдал за тщетными усилиями щеголеватого капитана.

— А знаете, что еще будет в этой воздушной посылке? — Затор, человек могучего телосложения, мечтательно поднял глаза к небу. — Дородная американская негритянка, тысяча пачек махорки и сапоги для пана капитана.

Кто-то усмехнулся.

— Ну, негритянка — это не то, — авторитетно заявил Трык. — Ночью, чего доброго, ее и не сразу найдешь! То ли дело наша гуралька — ту, чем темнее ночка, тем лучше видно.

Грянул дружный хохот. Один только капитан не смеялся: присев, он пытался высвободить левую ногу, но проклятый сапог сидел как влитой. Чувствуя на себе насмешливые взгляды окружающих, капитан прекратил свои мучительные попытки и полез в карман. Большой золотой портсигар блеснул в его руках. Он открыл его: внутри оказалась однаединственная сигарета. Станьчик с наслаждением понюхал ее. Теперь все с завистью следили за каждым его движением. Он поднес портсигар к самому носу и еще раз жадно понюхал сигарету.

— Вам следовало бы выкурить ее, пан капитан. Иначе она раскрошится понапрасну, — нарушил напряженное молчание Дробный.

— Да ведь это немецкие сигареты, эр-

зац, — вставил Куба, не сводя глаз с блестящего портсигара.

— Наверное, не отказались бы и от эрзаца, если бы он у вас был, — ответил капитан. — Но это еще довоенный товар.

— Довоенный? — вытаращил глаза Куба.

— Ну и что ж что довоенный! — возразил Затор. — Как будто до войны у нас все было только хорошее.

— А что, по мнению взводного Затора, было плохим в довоенной Польше? — послышался язвительно-вежливый голос полковника. Затор, словно окаменев, ничего не ответил.

— Взводный Затор!

— Есть! — тяжело поднялся он, облизал пересохшие губы и уставился в землю.

— Вы что, не слышали моего вопроса?

— Слышал, пан полковник!

— Ну?

— Осмелюсь доложить: евреи и коммунисты!

— Это все, что вы хотели сказать? — полковник усмехнулся с неудовольствием. — Не бойтесь: сейчас у нас с вами неофициальная беседа.

— И еще, — замялся Затор, — бабы были плохие, пан полковник. Не хотели за бедняка замуж выходить. — Он хитро подмигнул остальным. Грохнул смех.

Дзядек сделал вид, будто не понял насмешки. Его губы сложились в кислую улыбку.

— Ну, как там Сцежка?

Дик приблизился к лежащему неподалеку

Сцежке. Тот поднял на него измученный взгляд.

— Вымотали меня порядком эти камни, — тяжко вздохнул он, вытирая обильный пот с шеи. — Годы уж не те!

— Не надо было... — начал Дик, но тут же умолк.

— Знаю, что не надо, — кивнул Сцежка, — да вам этого не понять, если бы вы даже захотели: вы ведь тоже из господ.

— Из каких там господ, — оскорбился Дик. — У отца была лавчонка в Кросьценеке...

— Все равно — хозяин. Такой, как наш. — Сцежка показал глазами на Дзядека. — Тот, должно быть, смолоду помягче был. Потом задубел. А теперь и вовсе камнем стал. Таким же, какие я по его приказу в вещмешке тащил...

Внезапно по горам прокатилось эхо выстрелов: где-то далеко за лесом захлебывался автомат. Спускавшийся по склону горы Шмель замер, приложив к уху ладонь. Снова послышалось эхо отдаленных коротких очередей. Шмель вздрогнул, охваченный внезапным подозрением, бросил взгляд в сторону отдыхающего отряда и пустился бежать, не чувствуя усталости и не обращая внимания на ветки, больно хлеставшие его по лицу.

— Шмель! — крикнул полковник, и в его голосе послышалось нечто такое, от чего все вскочили на ноги. Однако Шмель даже не обернулся.

— Не иначе как возле его дома стреляют. Смотрите, помчался как угорелый. Сколько времени у себя не был, — пояснил Затор.

— Шмель! — гаркнул Станьчик, но тот уже скрылся за деревьями, не обращая внимания на окрики.

— Поговорим с ним позже. А теперь — вперед! — приказал Дзядек.

Люди стали неохотно подниматься. Капитан, закусив губу, поглядывал то на свои сапоги, то на открытый портсигар, который все еще держал в руке. Потом он перевел взгляд на стоявшего рядом поручника.

— Дик, знаешь, когда я ее закурю? — спросил он, показывая на сигарету.

Дик равнодушно пожал плечами, потом поправил повязку на голове и, крякнув, с трудом поднял с земли арифмометр.

— Когда всажу целую обойму в проклятого Алешу! — сам себе ответил капитан.

— А что это у тебя за сигарета? — поинтересовался Дик.

— Довоенная, «Египетская».

— Ну, если он первый тебя прикончит, я выкурю ее...

Люди, тяжело нагруженные снаряжением, быстро двинулись вперед.

— Вы знаете, что этот груз Косма должен был принять от отряда Дрваля и переправить его или хотя бы сообщить о нем именно в дом Шмеля? — спросил полковник Дика.

— Знаем, — кивнул Дик.

— И что вы посоветуете?

— Вы спрашиваете нашего совета? — Станьчик на мгновение замедлил шаг и посмотрел прямо в бесцветные глаза Дзядека. — Что тут можно посоветовать? Мы уже целую неделю играем в прятки с Алешей и за

это время ухлопали половину боеприпасов. А тут еще немцы, кажется, всерьез решили разделаться с нами. Посмотрите на людей — они едва плетутся.

— Это вы еле плететесь, — резко оборвал его Дзядек. — Я хочу услышать от вас совет, а не пораженческие проповеди. Вам это ясно?

В голосе его зазвучали угрожающие нотки. Станьчик вытянулся, как на строевых занятиях. Щека его нервно задергалась.

— Итак, я вас слушаю!

— Ничего не могу посоветовать, пан полковник!

— А вы? — Дзядек повернулся к Дику.

— Надо идти туда всем отрядом и искать... — решительно начал Дик.

— Косму?

— И его тоже. Но груз сейчас важнее — у нас кончаются патроны.

— Правильно! — Дзядек нахмурился. — А теперь присоединимся к остальным.

Атаман лежал на столе. Женщина, осторожно прикасаясь к нему, обмывала его раны. Вдруг веки раненого дрогнули, и он медленно открыл глаза.

— Атаман, ты узнаешь меня? Где отряд? Кто тебя так разукрасил? — лихорадочно расспрашивала она его. — Немцы тут были — Кнюбель и с ним еще один. Они что-то долго вынюхивали, могут вернуться.

Атаман приподнялся, с недоумением оглядываясь вокруг.

— Не бойся, Маруся, я сейчас уйду, — с трудом выдавил он.

Силой она заставила его снова лечь.

— Лежи, глупый! Слава богу, тебе легче стало. Я уж совсем было за ксендзом бежать собралась.

— Мне ксендз не требуется.

— Ну еще бы! — Женщина склонилась над ним с бинтом в руке. — Уж он-то не отпустил бы тебе твоих грехов. Все вы безбожники да язычники...

Внезапно Атаман вскрикнул и скорчился от пронзившей все тело острой боли. Лицо его покрылось мелкими росинками пота.

— Что, что с тобой? Больно? Сейчас перестанет. Повернись на бок. На бок, слышишь? — Она видела, чего стоит раненому каждое движение.

— Плохо тебе? — не на шутку встревожилась она.

Он не ответил. Немного успокоившись, она снова принялась бинтовать рану. Он застонал.

— Чего охаешь, будто родить собрался, — сказала она резко, продолжая быстро и ловко бинтовать. — Раскроил тебя кто-то на две половины, вот и болит. Крови-то в тебе почти не осталось: вся вытекла. Издалека идешь?

— Не знаю. Нé вем, — повторил он по-польски.

Она стояла у печки, вымачивая марлю в воде.

— Что значит «не знаю»? Опять врешь? В грязи весь вымазан, смотреть страшно. Наверно, оврагом полз.

— Маруся, — произнес Атаман так ласково, что она, удивленная, повернулась к нему. Но он только шевельнул губами, больше ничего не сказав.

— Сдается мне, что ты удрал и тебя свои так отделали. — Она подошла к столу. — Немцы, те бы сразу пустили пулю. Где тебя черти носили? Смерти ищешь, мало ее, что ли, вокруг? Господи боже, совсем рехнулся человек!

Он грустно улыбнулся.

— На, пей! — Она протянула ему кружку с водой. Он неловко, как малый ребенок, отхлебнул глоток. Вода потекла по подбородку. Она отерла капли, только сейчас поняв, насколько он ослаб.

— Слушай, Атаман, — сказала она громко, словно боясь, что он может ее не услышать. — Плохи твои дела. Тебе доктора надо. Скажи, где ваш отряд? Ведь у вас там был один, его еще все Доктором звали. Такой обросший...

— Отряд далеко, а доктор не нужен: он все равно не поможет.

— Что ты говоришь! — воскликнула она, но Атаман, казалось, не слышал ее слов. Он с трудом засунул руку в карман и вытащил оттуда небольшой сверток.

— Спрячь это, чтобы никто не нашел. Здесь бумаги всякие, фотографии... После войны отошлешь матери, там на конверте адрес...

— Что ты мелешь, Атаман! — Ее пальцы крепко сжали край стола. — Ты всегда такой веселый был...

— Веселые тоже умирают. А я... мне тем

паче полагается. По справедливости: я — его, он — меня.

— О чем ты? Кто «он»?

— Человек...

Он снова закрыл глаза. Женщина с трудом застегнула брюки на его опоясанном бинтами животе.

— Надо будет выстирать твою рубаху. Ужас какая грязная! — Она пыталась говорить спокойно, даже улыбалась. — Сумасшедший, ей-богу! О смерти думает! Солнце светит, весна на дворе, все живое к жизни тянется. Ты вспомни, как мы весну ждали. Говорили, что уже в мае война кончится.— Охваченная внезапным беспокойством, она склонилась над раненым, позвала:

— Атаман!

Он открыл глаза, насмешливо улыбнулся.

— Думаешь, я уже отдал концы? Я крепкий. Еще малость повременю. Боль прошла, могу тебя слушать. Говори!

— Чего говорить-то, — всхлипнула она. — Доктора бы сюда! Да скажи ты мне наконец, где ваш отряд! Я пойду хоть за Нова-Бялу и приведу его...

— Ты добрая. Только напрасно все это. Ничего уж не поможет. Отряд разбит, Алеша ранен, Сережа... Не знаю, где они. Но груз для них я припрятал. Если они найдут его, то дадут фашистам жизни, вот увидишь!

— Груз? Какой груз? Не понимаю... — Она вытерла ему лицо. — Ты вспотел. Я тебе из травы отвар сделаю, чтобы жар сбить.

Он проводил ее усталым взглядом, потом повернул голову к окну. Вдруг что-то за

окном привлекло его внимание. Он вздрогнул и, напрягаясь всем телом, приподнялся на локте, пристально вглядываясь в даль.

На вершине горы, по другую сторону дороги, появилась фигура человека.

— Маруся,— позвал Атаман, пытаясь сползти со стола и опираясь на руки, чтобы не упасть. Доски стола под ним заходили ходуном. — Маруся!

— Что ты вытворяешь? Ложись! — рассердилась она.

— Кто-то идет сюда. Уже вышел из лесу, — прошептал раненый.

— Не выдумывай! В голове у тебя помутилось от жара, что ли? Я ничего не вижу. — Она подошла к окну и тут же отпрянула от него, заметив фигуру человека, которого узнала бы из тысячи других.

— Ты знаешь его? — спросил Атаман.

— Это... это... мой муж,— побледнев, прошептала женщина. — Сейчас он будет здесь... Целый год не появлялся и вдруг — на тебе... Он в отряде Дзядека.

— В отряде Дзядека? Значит, фашист?

— Нет! — крикнула она в отчаянии. — Идем! Я тебя на чердаке спрячу. — Она подняла его, согнувшись под тяжестью тела. Ногой распахнула дверь. — Если бы не твоя слабость, я бы не так с тобой разговаривала, — добавила она, с усилием втаскивая его на лестницу. Через минуту женщина вернулась в комнату и заметалась по ней. Она бросила в печь окровавленное полотенце, дрожащими руками застелила стол скатертью, поставила

вазу с бумажными цветами. Ее губы непрерывно шептали слова молитвы.

— Ну, что? На волюшку тебе захотелось? — Большая мозолистая рука Шмеля гладила тонкую шею овцы, которую он нес на руках. Прижимая к груди дрожащее остриженное тельце, он подходил к своему дому.

— Тебя, наверно, напугала эта стрельба? Ну ничего. Главное, швабы дом не сожгли. Видно, не успели.

Быстро осмотрев двор, он вошел в дом. Глаза его настолько привыкли к солнечному свету, что комната показалась ему темной и очень маленькой.

— Слава господу нашему! Марыся, — позвал он, — ты что же меня не встречаешь? Разве не видела, как я шел по дороге?

— Юзек! — бросилась она к мужу, словно только что заметила его. Коснулась губами колючей щетины. — Я у печки стояла, потому и не видела тебя. Окошко-то на той стороне... Кого угодно могла ждать, только не тебя.

— У печки, говоришь? — Он словно невзначай притронулся к ней — холодная.

— Как раз только растапливать собралась, — торопливо объяснила Марына. — Они ведь совсем недавно ушли, я еще сама плохо соображаю, что делаю. Голова кругом идет.

— Кто здесь был?

— Немцы, эсэсовцы. Те же, что и всегда. Есть тут двое таких. Одного зовут Кнюбель, а другого даже не знаю как. Сущие дьяволы! Никому проходу не дают: ни чело-

веку, ни скотине. Две лучшие овцы забрали, недосмотрела.

Болезненная гримаса исказила его лицо. Кулаки гневно сжались.

— Забрали? — прошептал он, еле шевеля губами. — Чтоб их... А в дом не заходили?

— Хотели! Только я двери успела запереть, а сама в окно выскочила... Сейчас тебе чаю согрею, Юзек. Если хочешь, сходи пока к речке, там я табак посеяла. Поглядишь, какой вырос.

— Табак?

— Ну да! Теперь это самое выгодное дело. Даже из города сюда приезжают. Пойдешь?

— Нет. — Он так потянулся, что кости захрустели. — Устал: километров сорок пришлось отмахать. Когда чай будет готов, скажешь, а пока я передохну малость. Эсэсовцы, говоришь, были? — Только теперь глаза его привыкли к полумраку в комнате, и он начал различать отдельные предметы. — Ты уверена, что они не входили сюда? — неожиданно спросил Шмель, наклонившись и потрогав рукой половицу. — А кто же грязь сюда натаскал?

— Это я, — ответила она и сама удивилась своему спокойствию. — Утром за дровами ходила.

— Утром? — Он поднял с полу комок грязи, внимательно осмотрел его. — Не высохло еще...

— Там, в овраге, сыро, ты же знаешь, солнца почти никогда не бывает.

— И ты туда за дровами ходишь?

— Я с ольховой поляны возвращалась через овраг: так ближе.

— А куда эсэсовцы ушли?

— Поехали по шоссе на Нова-Бялу. Они на машине были,— продолжала Марына с деланным оживлением. — Я как раз твой свадебный костюм чистила — в шкафу моль завелась. Смотрю — едут. Еле убежать успела. Кинулась к лесу, а тут как началось... Не иначе, думаю, по мне бьют... Потом крикнули что-то несколько раз. А как выехали на шоссе, опять стрелять стали.

Вдруг ей почудился шорох на чердаке. Слова мужа теперь долетали до нее как-будто издалека.

— Об этом Кнюбеле я слышал, — сказал Шмель. — Надо с ним посчитаться. Осторожный, мерзавец, без охраны не появляется. С таким придется повозиться... — Он помолчал. — Вода у тебя есть в доме? Принеси. Сейчас сюда весь отряд заявится. Идут за мной следом. Хлопцы до смерти устали. Да, теперь мы уже не те, что были год назад. Доброй половины отряда недосчитаешься.

— Они сюда придут? — Марына незаметно взглянула наверх, словно человек, который лежал там, в тесном и темном закутке, мог услышать эту страшную весть.

— А тебе это не по вкусу? Похоже, ты и моему приходу не слишком-то рада, — заметил он.

— Я рада, даже и сказать не могу, как рада. Просто ты какой-то не такой... изменился...

— Да и ты тоже... другая, — пробормотал Шмель.

Наступила неловкая пауза.

— Ты надолго? — спросила Марына.

— Как остальные. Немного отдохнем — и дальше. Полковник решит, как и что.

— Куда же дальше? Теперь, куда ни сунься — везде смерть караулит. — Она протянула ему кружку с чаем.

— Мы не ради смерти воюем — ради жизни. — Шмель, обжигаясь, с жадностью глотал горячий чай. — А в деревне есть немцы?

Марына засовывала в печку дрова. Услышав его вопрос, она выпрямилась.

— В деревне нет, но в Нова-Бялу вчера сразу четыре эшелона прибыли. Говорят, это против вас, партизан, операция готовится. В школе места для них не хватило, так они заняли все помещения на рынке. У дома священника, где месяц назад учителя повесили, теперь танки стоят.

— Стефаняка повесили? — переспросил Шмель, пораженный этим известием.

— Да, потому что он партизанам помогал. О Езусе! Никто из вас не уцелеет, — запричитала она.— Всех перебьют. Два дня назад в лесу целый час пальба шла. Слушать невмоготу было. Так и перекатывалось из края в край...

— Это мы с русскими схлестнулись,— пояснил Шмель.

— А мне Габрысева говорила, что тебя в Новом Сонче расстреляли немцы. Я уж и мессу в костеле заказала...

— Хотели расстрелять, да я ушел от них, —

он пожал плечами, обводя взглядом стены. — А как мать, по-прежнему торгует?

Она утвердительно кивнула.

— В Краков теперь ездит. Позавчера отправилась. Видишь швейную машинку? Это зингеровская. На ней и шить и вышивать можно. Мама привезла ее из Мехува. На чердаке есть коробка со всякими принадлежностями к ней. Хочешь, покажу тебе?

Не ожидая его согласия, Марына выбежала из комнаты. Шмель уселся поудобнее, широко расставив ноги. Через минуту он поднялся, подошел к швейной машинке и осторожно притронулся к ее черной блестящей поверхности. Его раздражало отсутствие жены.

— Марыська! — позвал он громко.

Она отозвалась не сразу, как бывало прежде, и возвратилась в комнату молча.

— Где ты пропадала? — спросил Шмель раздраженно.

— Никак не могла найти, — спокойно сказала она и протянула ему коробку. — Здесь все, что может понадобиться для ремонта.

— Теперь ты довольна, да? Ведь тебе всегда так хотелось... Помнишь, как мы разглядывали машины у того еврея в Кракове? Он показал их нам штук десять — одна другой лучше...

Шмель помолчал, потом вдруг неожиданно сказал:

— Помоги мне снять сапоги.

Марына засмеялась.

— Может быть, ты сперва бы дров немного нарубил?

— Да ты что, Марыська? Ведь дрова есть, я сам видел.

— Ну конечно, я совсем забыла, — спохватилась она,— а все из-за твоего отряда... Не знаю, понравится ли им у нас. Может, выйдешь их встретить?

— Сами дорогу найдут... А инструмента здесь порядочно. Не сразу и разберешь, что к чему, — сказал он, исследуя содержимое коробки. — А тот довоенный торгаш даже и не заикнулся тогда о таких штуках.

— У нас с тобой в тот день было всего двадцать злотых. Я боялась и сказать ему, что нам не под силу купить швейную машину.— Марына вздохнула.— Как давно все это было, словно перед сотворением мира...

— Скорее, перед концом. — Он поднялся и провел рукой по грубым, нетесаным доскам.— Что-то сосна совсем потемнела. А Стефаняк говорил, не потемнеет. Ошибся... Царствие ему небесное! Хороший был человек... А Палусиньский много содрал за работу. Гляди, как плохо сделал: щели везде, сучки сверху не снял. Видно, лес сырой был. Вот увижу его, так я ему...

— Не увидишь, Юзек! Разве что на том свете...

— Что... и его тоже... немцы?

— Все Олеховы сожгли. Говорят, людей там прямо на деревьях вешали. У Палусиньского винтовку нашли. Ты не знал, потому что был далеко.

Шмель тяжело опустился на стул. Лицо его окаменело.

— А ты не знаешь, может, немцы здесь кого-то разыскивали?

— Нет, не знаю.

Их глаза встретились. Марына торопливо отвела свой взгляд.

— Тут к тебе должен был прийти один человек, — начал Шмель. Марына вздрогнула.

— Значит, ты уже знаешь? — прошептала она.

— Чего? — неожиданно рассмеялся Шмель. — Сюда должен был прийти один из наших — Косма. С грузом или с сообщением о нем. Он заходил к тебе?

В ответ она только покачала головой и засуетилась у печи. Потом вдруг повернулась к мужу:

— Юзек!

— Что тебе?

— Так это вы с ними бились?

— С кем это «с ними»? — не понял тот.

— Ну с теми, из отряда Алеши.

— Конечно. Мы и раньше с ними схватывались, и на этот раз не стали церемониться: они четырех наших ребят хлопнули.

Шмель подошел к шкафу, потянул за медную ручку. На прежнем месте, там же, где и год назад, висел темный свадебный костюм. Тщательно отглаженные рубашки ровной стопкой лежали на полке. Он взял в руки шляпу, неуверенно надел ее.

— А за что вы их так?

Он расхохотался. Прежде его жена не интересовалась подобными вещами.

— Один раз мы их, другой — они нас. — Он повесил шляпу и наклонился над своими

праздничными ботинками. — Русские все большевики, понимаешь? — Шмель снял куртку и натянул на широкие плечи пиджак, потом выпрямился и подошел к зеркалу. Пиджак висел на нем мешковато. — Антихристы они: жены у них общие, дома, дети — все... Наш полковник говорит, что у нас два врага: один на востоке, другой на западе, и с тем и с другим надо бороться. От моря до моря раскинется наша Польша. Вот увидишь!

Он оглянулся, чтобы посмотреть на себя в зеркало со спины.

— Висит на мне, как на вешалке, — исхудал! Материя-то какая была — по десять злотых за метр, а теперь вот все висит, да и вылинял к тому же.— Шмель тяжело сел.

— А в деревне говорят, будто ваш командир...— Марына запнулась.— Как его там?..

— Дзядек?.. А ну, помоги снять сапоги: мне одному не справиться.

— Да, Дзядек... Говорят, что он фашист.— Двумя ловкими рывками она стащила с него сапоги.

— О Езусе, как хорошо! — Он принялся растирать онемевшие пальцы ног.— Эти колодки килограммов десять весят, а то и больше. А в походе кажется, будто и все сто на ногах тянешь... Дзядек фашист? Вранье это, понимаешь? Вранье! Он суровый, наш Дзядек, но зато знает, чего хочет. Вот уже шесть месяцев как он с нашим отрядом откололся.

— Что сделал? — не поняла Марына.

— Откололся, говорю, от АК[1]. Связисток и всяких там посыльных всех до одного выгнал из отряда. Теперь никто ему не имеет права приказывать. Мы сами себе хозяева. Польская независимая боевая группа, сокращенно ПНБГ. Ясно?

— Ясно.— Марыну поразил холодный блеск его глаз.— А вы не боитесь так? — спросила она. — Ведь всегда лучше, когда больше людей, когда все вместе...

— А чего бояться? Где мы — там и Польша. Каждый из нас стоит пятерых.

Марына не ответила. Шмель вспомнил о своих праздничных ботинках и протянул за ними руку, но его пальцы натолкнулись на что-то мягкое.

— К чему тебе такая уйма бинтов? — удивился он, ощупывая шуршащие бумажные пакеты.

— Это... это мама... для продажи заготовила,— запинаясь, проговорила она.

— И таким товаром сейчас торгуют?

Она стояла рядом. Шмель вдруг нечаянно коснулся ее груди. Марына вздрогнула и отвела его руку в сторону.

— Красивая ты стала. Ох, и красивая,— процедил он сквозь стиснутые зубы.— Когда

---

[1] АК — Армия Крайова — реакционная вооруженная организация, созданная на территории Польши эмигрантским правительством с целью предотвращения стихийного роста движения Сопротивления, а также для усиления своего влияния в Польше. Низовые звенья АК нередко вели борьбу с немецко-фашистскими оккупантами, сотрудничая с Армией Людовой, руководимой Польской рабочей партией. — *Прим. ред.*

я там, в лесу, разглядывал твою фотографию, мне казалось, что ты со мной рядом. Я все время боялся потерять ее. Потом карточка намокла в воде и тебя уже не было со мной. Но я не забыл этот праздник в Нова-Бялой.— Он усмехнулся.— Как сейчас помню: карусель, пчела, которая тебя тогда укусила, и музыка, музыка...— Шмель вдруг резко повернулся, крепко стиснул Марыну в объятиях и стал исступленно целовать ее.

— Юзек, успокойся,— молила она.— Опомнись!

— «Опомнись»? — Шмель еще сильнее сжал ее.— Жена ты мне или нет? Кольцо обручальное носишь?

В ней постепенно нарастало раздражение. Она со злостью оттолкнула его.

— Что ты делаешь, дурак! — крикнула она.

Шмель вдруг разжал руки. Отступил на шаг от жены.

— Дурак?! Это по-каковски? — Страшное подозрение охватило его.— Марыська, у тебя никого не было за это время?

— Нет!

Он схватил жену за плечи, посмотрел ей прямо в глаза.

— Ты правду говоришь?

— Пусти, больно! — дернулась она, пытаясь вырваться из его рук.

— И хорошо, что больно! — прошипел Шмель яростно, запрокидывая ее голову.— Говори: русские сюда приходили? Ну, говори! — тряс он ее за плечи.

— Нет, не приходили! — выкрикнула она.

— Кто же тебя научил этому слову?

— Какому слову?

Она дрожала, от страха у нее стучали зубы. Лицо Шмеля пугало ее необычным выражением.

— О Езусе, ты задушишь так меня! — Она пыталась разжать пальцы, сдавившие ей горло. Наконец ей это удалось, и она метнулась от мужа за стол.

— Ты, ты... Думаешь, что тебе все позволено, что я тебя боюсь? — Широко раскрытым ртом она жадно хватала воздух, дрожащей рукой пригладила растрепавшиеся волосы. Во всем ее облике, в том, как она смотрела теперь на мужа, произошла разительная перемена.— Что я ела за эти два года, об этом ты не спрашиваешь? Что я передумала долгими бессонными ночами, когда за окном выл ветер, а по дороге шли немецкие машины или когда мать болела, это тебе не интересно? — Она говорила хриплым, срывающимся от возбуждения голосом. — Тебя беспокоит только одно. Ну хорошо же! — Она перевела дыхание.— Так вот знай: приходил сюда один русский, часто приходил!

— Убью! — прохрипел Шмель, бросаясь на нее с поднятыми кулаками. Она истерически расхохоталась:

— Убей!

Потеряв равновесие, оба повалились на постель. Сильные руки сдавили ее горло, дыхание перехватило. Темная пелена застлала глаза. Она больше не пыталась защищаться.

Стремительно распахнувшаяся дверь с грохотом ударилась о стену. Группа партизан

появилась на пороге с автоматами в руках; они с недоумением осматривали комнату.

Шмель резко вскочил. Потирая посиневшую шею, Марына встала и подошла к шкафу. Ее руки что-то бесцельно перебирали на полках. Голос Дробного долетал до нее как бы издали.

— Говорит, торопился! Он вовсе и не торопился, даже успел переодеться в цивильное платье. Только на лакировки, видать, времени не хватило.— Долговязая фигура его склонилась в шутовском поклоне перед Шмелем.— Приношу вам свои глубочайшие извинения, но мы только на минутку...

Шмель шагнул к нему, сжимая кулаки.

— Вы оскорблены, господин граф? — с издевкой спросил Дробный.— Я позволил себе задеть, как говорится, самые святые ваши чувства? Может, ты резеду нюхал, стишки декламировал?

— Оставь его в покое.— Трык, зачерпнув жестяной кружкой воду из ведра, пил жадными глотками.— Хороша у тебя вода, брат.— Он вытер губы рукавом.— Глубокий колодец?

— Три метра,— хмуро отозвался Шмель.

— Теперь уже все пять, а то и глубже будет,— неожиданно вставила Марына.— Обмелел... Углублять пришлось.

Дробный снова радостно захихикал:

— Выходит, Шмель, отстал ты от жизни. У тебя колодец углубили, а ты и не знаешь! Эх ты, темнота!

— Говорят тебе, заткнись! — рванулся к нему Шмель.

Внезапно резкий окрик командира пригвоз-

дил его к месту. Шмель не успел заметить, когда в доме появилась остальная часть отряда.

— Это еще что за маскарад? — Полковник, расстегнув мундир, подошел к окну, занавешенному бумагой. За ним входили и рассаживались партизаны, блаженно вытягивая натруженные ноги. Комната наполнилась стуком сбрасываемого на пол оружия и тяжелых вещмешков.

— Косма не появлялся? — Шмель увидел прямо перед собой тяжелые, набухшие веки Дзядека.

— Нет! — коротко отозвался он и пододвинул командиру стул, предварительно обмахнув его рукавом.— Садитесь, пан полковник!

Пребывание в собственном доме совершенно преобразило его: Шмель чувствовал себя хозяином. Дзядек, бросив быстрый, чуть иронический взгляд на своего подчиненного, присел к столу и разложил на нем карту.

— Откуда эта кровь около дома?

— Овец побили.

— Кто?

— Моя говорит, немцы.

— Что значит «моя говорит»? Ты что, не доверяешь ей? — Дзядек не сводил со Шмеля испытующего взгляда.

— Доверяю. С какой стати ей не доверять? — Шмель закусил губу.

— А ну, позови ее сюда! — распорядился Дзядек.

— Марыся! — неохотно позвал Шмель жену, уставившись в пол.

— Кроме немцев, здесь никого не было? — расспрашивал Дзядек.

— Никого.

— А откуда они прибыли?

— Оттуда,— она неопределенно махнула рукой.

Дробный, привалившись к печке, скользнул замаслившимся взглядом по стройной фигуре женщины. Шмель, перехватив этот взгляд, внезапно нагнулся и двинул его кулаком в бок с такой силой, что тот грохнулся на пол.

— Ну и холера! Кулаки словно каменные! — Дробный встал, потер ушибленное место, потом вытянулся во весь рост и застыл в отрешенной позе, глядя в потолок.— Поглядеть уж нельзя! Убудет от нее, что ли? А знаете, что я сделаю, когда окончится эта проклятая заваруха и Гитлера вздернут на перекладине? Целехонький месяц проваляюсь с бабой на печке, выберу себе самую красивую, горячую. Никакая сила не оторвет меня от нее. А если кто-нибудь попробует помешать мне, выпущу ему в брюхо обойму...

— И тогда тебя доставят в полицию, и сядешь ты, друг, за решетку,— заключил Трык, возившийся с затвором своего автомата.

— Кого? Меня посадят? — взвился Дробный.

— А что ты за фрукт такой? — ввернул Затор.— Конечно посадят! Побреют тебя, вшей выведут, отмоют как следует, документ вручат с фотокарточкой и выпустят в общество. Даже личным номером снабдят, чтобы не потерялся.

— Плевать я хотел на всякое там общество.

Я хочу быть один, понятно? — повернулся к ним Дробный.

— Ну, брат, это тебе не удастся,— послышался бас Кубы.— Общество — это что-то вроде реки. Она течет, а ты, как ручей, впадаешь туда, хочешь ты этого или нет...

— Тоже мне — философы! — Станьчик, тяжело дыша, оторвался от своих сапог.— Трык, может, их водой сбрызнуть, а?

— Еще хуже будет. Тогда совсем сожмутся,— ответил тот.

— Чердак есть в доме? — неожиданно спросил полковник, не отрываясь от карты.

Марына вдруг перестала слышать все остальное и замерла.

— Есть,— услышала она голос мужа.— Только небольшой.

— С окошком?

— Да.

— Прекрасно. В случае чего может пригодиться. Дробный, осмотри чердак.

— Я могу и так сказать,— неожиданно вмешался Шмель.— Окошко выходит на дорогу. Посреди труба от печки...

— Я приказал Дробному. Быстро! — В голосе командира послышалось нечто такое, от чего лежавший на полу партизан моментально вскочил.

— А может... может, немного позже? — спросила Марына, теребя подол юбки.— Я хотела переодеться: здесь столько гостей!

— Уверяю вас: нам это не помешает,— рассмеялся Дик, обращаясь к ней с подчеркнутой любезностью.

— Хорошо. Пойдешь потом.— Полковник

перевел взгляд со стройной фигуры Марыны на Дробного. Тот немедленно уселся на прежнее место.

— Будьте любезны, «гардеробная» в вашем распоряжении. Сожалею, что мы доставили вам столько неудобств,— галантно козырнул Станьчик.

— Спасибо...— Марыну, казалось, нисколько не задевали эти довольно двусмысленные намеки офицеров. Она улыбнулась и вышла, плотно прикрыв за собой дверь.

— Эх, была бы у меня такая жена, я бы ее всем показывал. Есть что показать,— вздохнул Трык.

— Но у тебя ее нет,— съязвил Затор, занятый приведением в порядок своего вещмешка.

— Ну и нет, а тебе какое дело? После войны я выберу себе по вкусу. Есть у нас одна такая, кузнецова дочка. Прежде-то ее не хотели за меня отдавать, но теперь я,— он выразительно потряс автоматом,— теперь я другой!..

— Смотрите, это их свадебная фотография,— сказал Дробный и показал на снимок над кроватью.— Я только сейчас сообразил, что это Шмель. Он похож на цыгана. А вот и она... Хороша, шельма, была, еще лучше, чем сейчас. Я бы такую не упустил...

— Эй, ты, попридержи язык! — окончательно рассвирепел Шмель.

— Эх ты, темнота, комплиментов не понимаешь! Тебе не по вкусу, что я твою жену нахваливаю? Я, братцы, знаю, как с женщинами обращаться! Кому же их еще не знать, как не парикмахеру? Иной раз делаешь ей перма-

нент и вдруг сверху, небрежно этак бросаешь: «У вас грудь, как у Греты Гарбо» или: «Это платье прелестно обрисовывает линию вашей ноги». А бабенкам такие слова необходимы: они сразу млеют, словно от рюмки коньяку.

— Заткнись ты, ради Христа! Иначе я тебя так разрисую! — не выдержал Шмель, кидаясь к нему с кулаками.

— Ты что, рехнулся? Какая муха тебя укусила? Ты меня пугаешь? Меня?!

— Тише! — загремел Дзядек. В это время хлопнула дверь. Марына вошла и прислонилась к косяку, не в силах сделать больше ни шагу. Лицо ее было мертвенно бледным, а надетое на ней платье особенно подчеркивало эту бледность.

Ее появление было встречено дружным хором восторженных голосов.

— Тише там! — раздраженно прикрикнул Дзядек.— А из этого окна дорогу видно? — спросил он ее.

— Видно,— ответила Марына тихо.

— Это хорошо. Подождем тут. Косма обязательно должен прийти...

— Хлеб у вас есть? — приблизился к ней Станьчик. Она молчала.

— А ну, отвечай пану капитану, когда он спрашивает,— приказал Шмель жене повелительным тоном. Полковник оторвался наконец от карты.

— Хлеб есть, даже чай. Два дня назад купила. Еще не трогала,— сказала она.

— Порядок! Нам этого достаточно.— Дзядек закашлялся.— Дробный, проверь, как выглядит этот чердак!

— Слушаюсь! — Дробный тотчас же вышел.

Марына замерла. Приступ кашля у Дзядека на этот раз прошел быстро. Он протер заслезившиеся глаза.

— Поручник Дик! — окликнул он хриплым голосом.

— Есть! — Бородач вытянулся перед командиром.

— Разместите отряд здесь, в комнате и наверху, а потом явитесь ко мне. Пора сменить часового возле дома.

— Часового нет.

— Как нет?

— Есть секрет у самой дороги.

— Это преступная халатность! — возмутился Дзядек.— Куба! Станешь на пост возле дома, со стороны леса. Вам кажется, что вы в парке на прогулке? Без меня вас всех уже давно перерезали бы как цыплят и продали бы на базаре. Только за вас никто гроша ломаного не даст,— все больше распалялся Дзядек.

В дверях появился Дробный.

— Что стоишь? Докладывай! — рявкнул Дзядек.

— Слушаюсь! — Дробный вытянулся.— Чердак есть, окошко выходит на дорогу. Видно далеко. На чердаке разного хлама много.

— Хорошо! — Настроение полковника понемногу улучшалось.— Сперва закусим чем бог послал, а потом освободите чердак от рухляди.

— Чай вскипел,— спокойно сообщила Марына. С первых же слов Дробного, вернув-

шегося с чердака, она догадалась, что Атаман успел уйти. Ее взгляд благодарно скользнул по ликам святых, взиравших на нее со стен.

— Значит, будем пить чай... Целую неделю у меня во рту не было ни капли горячего.— Станьчик выглянул в окно.— В Лондоне у Ритца подают чай десяти сортов. И для каждого сорта особые чашечки. Что же нам подадут сегодня к чаю? — задумчиво проговорил он, опустил руку в свой вещмешок, извлек оттуда объемистую поваренную книгу и принялся листать ее.

— Есть хлеб,— робко сказала Марына.

— Э, что там хлеб! — презрительно поморщился он.— Я предлагаю уважаемым героям,— произнес он с пафосом,— Peches á la Conde! «Взять полфунта рису...» — начал он читать, но тут же оборвал: — Нет, терпеть не могу рис!

Внезапно он скривился от боли и схватился за свои запыленные сапоги. Полковник не спеша засовывал блокнот в карман кителя.

— Жаль, что в поваренной книге нет ни слова о патронах для автоматов! — Полковник порывистым движением расстегнул воротник. — С боеприпасами дело дрянь!

— Пожалуйста, хлеб. Я еще лепешек напеку,— Марына приблизилась к столу, держа в вытянутых руках кружку с горячим чаем и тарелку с толсто нарезанными ломтями хлеба.

— Хлеб немного черствый, позавчерашний...

— Ничего, съедим. Спасибо,— поблагодарил полковник, первым принимаясь за еду.

На последнюю сковородку сала не хватило, и тесто все время подгорало. Приходилось отдирать лепешки со сковородки, но от этого они получились гораздо бледнее других — аппетитных, желтоватых, горкой возвышавшихся посреди тарелки. Марына отобрала самые румяные, чтобы положить их мужу на тарелку, и опасливо оглянулась по сторонам: как бы кто не заметил ее поступка, не достойного гостеприимной хозяйки.

Осторожно обходя спящих на полу людей, она приблизилась к мужу. Он дремал, слегка откинув голову. Несколько мгновений, держа в руке тарелку горячих лепешек, Марына молча всматривалась в его лицо. Муж казался ей сейчас слабым и беспомощным.

Не сознавая того, что делает, повинуясь внезапному безотчетному порыву, Марына наклонилась и поцеловала его в губы.

Шмель моментально проснулся и испуганно схватился за автомат.

— Чего тебе?

— Ничего... Я хотела... Все уже готово, я думала, чтобы...— бессвязно говорила она.— Вы все спите и спите... Ты чуть было не открыл стрельбу...

— А надо бы.— Он смотрел ей прямо в глаза.— Ты этого заслуживаешь. Никто и не догадается, как было на самом деле. Никто! — Он поднял автомат и прицелился в нее.— Не боишься, смелая стала? Раньше

пчелы боялась, а теперь и смерть не страшна? Стоит мне вот тут нажать, самую малость — и конец тебе. Ты даже ничего не почувствуешь.— Его лицо исказила мучительная гримаса.— А я за тобой следом... Увидишь, как будут меня судить на том свете. Увидишь — и обрадуешься. Вечные муки, скажешь,— правильно, он их заслужил... А я и вечные муки готов за тебя принять, и в ад пойти...

Кашель полковника оборвал бессвязную речь Шмеля. Дзядек спал по-партизански чутко и моментально проснулся.

— Что это? Ах, это вы разговариваете,— потянулся он.— Ну вот, немного отдохнул и сразу легче стало. Косма еще не появлялся?

— Нет! — Шмель опустил ствол автомата.

— Лепешки готовы. Пора бы людей будить,— сказала Марына.

— Спасибо.— Командир сел.— Дик!

— Я! — поручник мгновенно вскочил и протер глаза.

— Буди остальных!

Высокая фигура Дика склонилась над спящими. Люди нервно вздрагивали и быстро вскакивали с выражением испуга и удивления на лицах. Кто-то спросонок растерянно потянулся к оружию. Дик подхватил его под мышки и поставил на ноги, словно куклу.

— Эх, пся крев! Снова жизнь начинается! — Станьчик растирал рукой затекшее плечо.

— А ты что, помер во сне? — Дик, разбудив всех, поправлял повязку на голове.

— Хорошо было, спокойно. Ноги перестали

гореть. Проклятые сапоги! А во сне кажется, будто ты снова в материнской утробе.

— Не богохульствуй! — Дик стукнулся обо что-то головой и зашипел от боли. — Материнская утроба — это надежда, ожидание самого лучшего. Теперь эта утроба не приняла бы тебя обратно, даже если бы ты сумел в ней уместиться.

— Довольно! Пораспустили языки! — Полковник насупил брови.— Офицер должен быть сдержанным! Его собственные мысли никого не касаются. Сейчас нам впору думать о своей утробе, а не о материнской.

Дробный подошел к столу и восхищенно потер руки. Его веснушчатое лицо выразило неподдельный восторг.

— Давайте-ка подкрепимся. Ну, по скольку же здесь придется на брата?

— Сцежка, разделите эти лепешки, чтобы всем досталось поровну. Шмель!

— Слушаюсь! — Шмель остановился за три шага от командира. Им овладело странное безразличие. Он чувствовал: в его жизни рухнуло что-то очень важное.

— Вам известна дорога к турбазе на Лисьей горе?

Шмель пожал плечами: вопрос показался ему праздным.

— Еще бы! Сколько я туда экскурсий всяких перед войной водил! Учил кататься на лыжах. Только немцы базу еще в сорок втором сожгли, камня на камне не оставили. Один только подвальчик уцелел — и все.

— Знаю! — Дзядек продолжал смотреть на него с тем же выражением.— В этом подвале

все дело. Подойдешь к базе с юга и, если все благополучно, подготовишь ее для отряда. Остальные только перекусят и сразу отправятся вслед за тобой. Вопросы есть?

— Нет! — коротко ответил Шмель, хмуро поглядев на жену.

— Выпейте на дорогу! — капитан поднес ему стаканчик. Шмель залпом опрокинул его. Приятное тепло разлилось по телу.

— Возьмите мой «шмайсер».— Дзядек кашлянул, в горле у него что-то засвистело.— Огонь открывать только в случае крайней необходимости. Будьте начеку! Со стороны Нова-Бялой движется разведка эсэсовской дивизии. Ясно?

— Ясно! — буркнул Шмель, застегивая куртку.

— «Шмайсер» захватил? — спросил Трык, распахнув дверь и выглядывая на улицу.

— Захватил,— ответил Шмель, затягивая ремень вещмешка.

— Возьмите немного лепешек на дорогу,— напомнил полковник.

— Не хочу! Не я муку для них доставал! — Он направился к выходу.

— Мы подойдем к вершине с севера. Часам к девяти ждите нас там,— добавил Дзядек.— Следовало бы...— Не успел он закончить фразу, как Марына рванулась к двери, загородив ее собой.

— Возьми лепешек, Юзек! Ты же совсем голодный!

— Уйди! — Шмель резко отодвинул ее плечом, словно посторонний предмет, прегра-

ждавший путь, ударом сапога распахнул дверь и с силой захлопнул ее за собой.

— Возьми, Юзек! — Марына, рыдая, упала на пол. — Возьми! — продолжала она молить его.

— Сдается мне, не все у них гладко, — тихо и серьезно произнес Сцежка. — Успокоить бы ее, а? — нерешительно сказал он. — Все-таки женщина...

— Сейчас у нас есть дела поважнее всей этой чепухи, — сухо возразил Дзядек. — Я пришел к выводу, что кольцо вокруг нас сомкнулось. И хотя мы этого еще не замечаем, оно стягивается все плотнее.

— Не в первый раз и не в последний, — заметил Дик, расстегивая ворот кителя и засовывая в рот огромный кусок лепешки.

— Я согласен лишь с тем, что это не в первый раз, — заметил полковник.

Дик, не переставая жевать, утвердительно кивнул головой. Рот его был так набит, что он не мог произнести ни слова.

— Нам еще не приходилось попадать в такой переплет, — продолжал Дзядек. — У нас кончились боеприпасы, Косма так и не явился. Мы не знаем, какова судьба груза, а без него мы почти беззащитны. — Он развернул на столе карту. — Мы окружены в треугольнике Вжесница — Нова-Бяла — Ольша. Несколько тысяч солдат переброшено сюда из других районов. Это та самая операция, о которой немцы трубили еще полгода назад. Они хотят очистить леса от всех партизанских отрядов. Швабы, видно, считают, что нас гораздо боль-

ше. Я узнал, что в Соснувке у них даже танки стоят...

— А в танках «мартель» с тремя звездочками. Вы и не представляете, сколько они нахапали этого добра во Франции! — воскликнул капитан.— Знаете ли вы, что надо подать к коньяку, когда к вам в гости приходит женщина,— этакое божественное, благоухающее духами создание, ежедневно принимающее ванну? — Он мечтательно поглядел в потолок и через минуту уже снова склонился над своими сапогами.

— Прошу меня не прерывать и не стаскивать сапог,— оборвал его полковник.— Скоро мы выходим.

— Но ведь я уже забыл, как выглядят пальцы на моих ногах! — Станьчик откинулся назад, вцепившись обеими руками в голенище.— Повесить этого Алешу мало!

— Мне кажется, нам следует пробиваться на юг. Там нет немцев,— высказался Дик.

— Они уже там и ждут нас три дня. Вот здесь.— Карандаш Дзядека ткнулся в самую середину карты.— Перевал обложен со всех сторон. Заяц и тот не проскочит.

— Ну и что? — Затор подошел ближе.— В Бжозовной еще хуже было, а все же под самым носом у швабов проскользнули. Два батальона нас тогда окружили, помните?

— Вы забыли, Затор, что я сейчас не с вами разговариваю,— резко сказал полковник.— Теперь таких батальонов гораздо больше, а кроме того, у них танки. Поэтому я принял решение оставить горы.

— Оставить горы? — переспросил Станьчик

и, забыв о своих сапогах, удивленно уставился на Дзядека.

— Да, надо двигаться на юг,— кивнул полковник.— На юг, в район Пенин, будут прорываться или по крайней мере попытаются прорваться все партизанские отряды, оказавшиеся в котле. Немцы предусмотрели это. Они блокировали все подходы. Мы должны попытаться проскочить к Вненкову вот здесь, около озера. Видите? — Решительным жестом руки он как бы разрубил карту надвое.— Там, среди болот, нам будут угрожать разве только комары.

— У меня там есть одна бабенка,— захохотал Дробный.— Клянусь вам — мечта! Я познакомился с ней...— он внезапно умолк, заметив холодный взгляд Дзядека. Дальнейшую информацию по этому вопросу он давал окружившим его плотным кольцом партизанам уже тихим голосом.

— Люди измучены, поэтому весь переход придется проделать в три этапа.— Полковник сделал знак рукой, прося налить ему чаю. Марына торопливо наполнила кружку.— Первый этап,— сказал он, отхлебнув сразу половину кружки,— это бросок к турбазе на Лисьей горе. Там привал. Я рассчитываю также встретить там Косму. Груз был сброшен где-то в этом районе. Второй этап — переход в горной местности между Каменной и Борохой. Это нелегкая задача: идти придется по дну горного потока.

— А у немцев есть собаки? — Дик тоже склонился над картой, но, видимо, кровь прилила к его перевязанной голове, так как он

тотчас же выпрямился с болезненной гримасой на лице.

— Да,— ответил Дзядек.— Но дело не только в этом. Лесные заросли там слишком густы, и горный поток — единственная дорога...

— ...А перед самой войной хаживал я к одной баронессе.— Дробный, охваченный своей буйно разыгравшейся фантазией, опять заговорил громче. — Вот это была женщина, доложу я вам! Другая, Ренатой ее звали, любила, чтобы я поговорил с ней, прежде чем уложу прическу. А волосы у нее были роскошные. Она заявилась ко мне после бала.

— Что, и та тоже? — у Затора округлились от удивления глаза.

— А ты думал, зачем бы она пожаловала?

— Скажи-ка,— Куба задумчиво почесал в затылке,— а долго надо учиться на дамского парикмахера?

— Конечно,— с важностью отозвался Дробный.— Легче закончить духовную семинарию. Для профессии парикмахера необходима особая легкость в пальцах, а кроме того, нужно, чтобы язык был хорошо подвешен,— надо развлекать клиентку.

— Дробный! — окликнул его Станьчик.

— Слушаюсь! — неуклюже поднялся тот.

— Чтобы ты поменьше болтал, понесешь мой вещмешок.

Грохнул смех. Дробный недовольно поморщился:

— Не управлюсь я, пан капитан. Мне пан полковник пулемет приказал нести. Тяжеловато будет. Может быть, в другой раз, когда...

— Смотрите, что это? — послышался голос Дика, стоявшего у окна.

Дробный, оборвав на полуслове фразу, приблизился вместе со всеми к окну. Над тем участком дороги, который находился за лесом, поднималось белое облако.

— Дым, что ли? — высказал предположение Станьчик.— Как будто горит что-то...

— Нет, ничего не горит,— уверенно возразил Сцежка.— Просто пыль поднялась. Уже видно: это стадо.

— Матерь божья, пресвятая богородица! Сколько же людского добра пропадает! Больше сотни, видать,— вздохнула Марына.— В Сонч гонят.

— Сотня? Пятьсот, а может, и больше.— Затор смотрел в окно с застывшим выражением лица.

Стадо уже показалось на открытом пространстве — громадное, необозримое. Кое-где мелькали фигуры в серо-зеленых мундирах.

— Эсэсовская дивизия.— Дзядек опустил бинокль.— Да, здесь становится неуютно...

— Я считаю, что нет больше смысла ждать.— Капитан не заметил, что Дзядек не закончил свою мысль.

Стадо уже вышло из-за леса и растянулось по открытому участку дороги. Пыль висела над ним густым, тяжелым облаком, поднимаясь над верхушками деревьев, так что издалека могло показаться, будто горит лес.

— Мы должны...— снова начал Станьчик.

— Я сам знаю, что мы должны,— оборвал его полковник и, отвернувшись от него, подошел к окну. Обратная сторона бумажной за-

навески была оклеена старой газетой. Полковник неожиданно поднес этот пожелтевший лист к глазам. Его лицо как-то сразу просветлело, морщины разгладились. На выцветшем газетном фото был запечатлен маршал Пилсудский в окружении высших офицеров. Полковник, забыв на мгновение обо всем на свете, не мог отвести глаз от его внушительной фигуры.

— Есть у вас ножницы? — обратился он к Марыне.

— Есть, только тупые.— Она подошла к комоду, выдвинула ящик.— Пожалуйста.

Станьчик и Дик понимающе переглянулись. Огромными ножницами для стрижки овец Дзядек неумело вырезал фотографию из газеты.

— Надо немедленно отходить к лесу: через минуту будет поздно,— сказал Станьчик.

Нарастающий, лязгающий грохот поглотил последние слова капитана.

— Господи боже, танки! И сюда их принесло! — прошептал Затор.— Бежать невозможно. За этими деревцами поляна, плоская как сковородка. На ней мы будем как на ладони. А уж немцы не растеряются, будьте спокойны!

— Жду ваших указаний, пан полковник,— повернулся к Дзядеку Станьчик.

— Ждите, ждите! — Полковник не скрывал раздражения. Старательно сложив газетную вырезку, он спрятал ее в нагрудный карман.— Всем нам придется теперь ждать. А если вы собираетесь покончить счеты с жизнью, то пожалуйста: одной перебежки до этих деревьев вполне достаточно. Мне не нра-

вится, капитан, как вы в последнее время обращаетесь ко мне. Не забывайтесь!

— Простите, пан полковник!

— Докладываю, пан полковник... танки и самоходки...

На невразумительное бормотание запыхавшегося часового, остановившегося за его спиной, полковник ответил коротким кивком головы.

— «Докладываю, докладываю»! — передразнил его Дзядек.— В штаны со страху не наложи, братец! — Он подошел к окну и поднес бинокль к глазам.— Верно, тяжелые танки, похожи на «тигров». Есть и самоходки... Движутся по полю. Теперь снова свернули на тракт.— Полковник опустил бинокль.— А перед танками — коровы...

— Ведь танки их раздавят! — воскликнул Дробный.— Мармелад из них сделают!

Грохот неожиданно прекратился.

— Остановились,— сообщил Сцежка.

— Плохо, что они тут остановились.— Дик выглянул в другое окно.

— Ради бога, уходите! Еще есть время! — стала умолять их Марына.

— Уже поздно. Видите? — Дик показал рукой.— Сюда направляется целая экскурсия этих господ, пожалуй, человек двадцать будет.— Он привычным движением взвел затвор автомата.

— Они идут. Это так же верно, как и то, что я мечтаю закурить.— Дробный вогнал новую обойму в свой «шмайсер».

— Мы окружены,— прошептал капитан.

— Сапоги натянул? — язвительно спросил

Дзядек. Во время боевых операций он «тыкал» всех без исключения. Его седая шевелюра, морщины, весь его облик давали ему на это право. Разница в годах была слишком значительной, чтобы кто-то мог почувствовать себя оскорбленным подобной формой обращения.

Станьчик нервно облизнул губы:

— Мне так и не удалось стянуть их. Теперь уж, видно, до судного дня...— Он поднял с пола автомат.

— Смотрите, Кнюбель и этот, второй, идут впереди. Ведут за собой остальных! — воскликнула Марына.

— Смеются... Весело им...— хмуро сказал Затор, опуская бинокль. Немцы находились уже так близко, что можно было без труда разглядеть их лица. Один из них что-то сказал, и двое шедших впереди отделились от остальных и свернули налево, к лесу.

— Посты устанавливают.— Капитан надел вещмешок.

— Два, четыре, шесть, восемь, десять,— считал Дробный.— Четырнадцать человек вместе с офицером.

— Математик! — бросил полковник насмешливо.— Магазины полные?

— Так точно!

— Если кто-нибудь откроет огонь, танки уничтожат нас в одну минуту.— Он расстегнул кобуру пистолета.— Весь отряд наверх! Вещи забрать с собой.

Его приказ выполнялся быстро, но без лишней поспешности, свойственной новичкам. Первые партизаны уже поднимались по лестнице.

— А вы останетесь здесь,— сказал он, заметив, что Марына устремилась вслед за остальными.— Когда они станут вас расспрашивать, вы ни о чем не слышали, никого не видели. Ясно?

Спазма сдавила ей горло. Марына не могла вымолвить ни слова.

— Ясно? — холодно повторил свой вопрос полковник.

Она молча кивнула.

Чердак был забит сеном и всякой рухлядью, скопившейся за несколько лет. В стене, сбитой из грубых, неплотно пригнанных друг к другу досок, виднелось небольшое окно с резными наличниками.

Полковник услышал первый выстрел прежде, чем успел приблизиться к этому окну, за которым голубело небо.

— По овцам Юзека огонь открыли, сволочи! — буркнул Сцежка.

— Забавляются,— бросил Дик.

Лицо полковника, освещенное узкой полоской света, было серьезно и сосредоточенно.

— Снизу все захватили? — спросил он.

— Так точно! — ответил Дик за всех и вытянулся. При этом он с такой силой стукнулся головой о стропила, что все вокруг задрожало.

— Такой головой танки крушить можно,— не без иронии заметил Станьчик.

Снова грянул выстрел. Дзядек придвинулся к окну, сощурив глаза от яркого света. Один из немцев целился из пистолета в овцу, трусившую подле своего ягненка. Эхо выстрела отдалось далеко в горах. Овца рухнула на

передние ноги. Ягненок, будто только теперь поняв, что ему грозит смертельная опасность, метнулся в сторону. Солдаты в серо-зеленых мундирах хохотали, глядя, какие забавные вензеля выделывал ягненок своими слабыми, еще не окрепшими ножками.

Партизаны смотрели на эту сцену, прижавшись к щелям между разошедшимися досками. Ягненок, обезумев от страха, мчался с той стороны, откуда шли танки. Можно было уже разобрать голоса приближающихся немцев.

— Herbert, nur mir der linken Hand! Paß mal auf! [1]

Низкорослый немец без каски выстрелил, но промахнулся. Потом выстрелил другой — и снова промах. Только после третьего залпа, когда оба почти одновременно нажали на спуск, ягненок внезапно подпрыгнул, перевернулся и упал на землю.

— Das war meins! Mensch, ich hab' es getroffen! [2] — заорал кто-то. Немцы подбежали к белому комочку, едва видневшемуся в густой высокой траве.

— Возьми двух ребят и спустись с ними,— распорядился Дзядек и показал рукой назад.— Нет, подожди! — Он насторожился. Немцы находились теперь так близко, что можно было даже разглядеть орденскую колодку на груди офицера.

— Следы разглядывают,— сообщил Станьчик, и сразу вслед за этим немцы забарабанили в дверь дома.

---

[1] Херберт, только левой рукой стреляй! Будь внимателен! (*нем.*)

[2] Это мой! Старина, это я попал! (*нем.*)

— Жарко придется жене Юзека,— сочувственно прошептал Сцежка.

— Aufmachen! [1]

Деревянная стенка, к которой прислонились партизаны, была так тонка, что сотрясалась при каждом ударе по двери. Немцы на минуту прекратили стучать.

— Du, Schweinehund, mach doch auf! [2]

Вслед за тем послышался тонкий звон выбитого стекла.

— Na, endlich! [3]

Скрипнула дверь. Офицер вынул пистолет, остальные держали автоматы наготове.

— Wo sind die Banditen?! [4]

Голоса звучали теперь отчетливее: видимо, Марына впустила немцев в дом. Стук кованых сапог заглушил ее ответ. Тот же голос продолжал:

— Не знайт, не знайт! Das sagt doch jeder! [5]

Второй эсэсовец прибавил что-то с умильной интонацией, после чего Марына пронзительно вскрикнула.

Немцы, видимо, чувствовали себя в полной безопасности. Дробный тронул поручника за плечо:

— Смотри, мотоцикл!

Действительно, мотоцикл с ходу въехал на откос со стороны дороги и понесся прямо через луг. Солдат в шлеме и клеенчатом плаще

---

[1] Откройте! (*нем.*)
[2] Ты, свинья, открой! (*нем.*)
[3] Наконец-то! (*нем.*)
[4] Где бандиты? (*нем.*)
[5] Так все отвечают! (*нем.*)

высоко подпрыгивал в седле на неровностях почвы, напоминая кавалериста, преодолевающего препятствия.

— Уж не собираются ли они здесь проводить слет чемпионов скоростных мотогонок? — пробормотал Станьчик.

С возрастающим вниманием партизаны наблюдали за подъезжающим к дому мотоциклистом. Только сейчас стало заметно, что он весь с головы до ног покрыт толстым слоем засохшей грязи и имеет вид смертельно уставшего человека. Через минуту до их слуха донесся стук его сапог.

— Он собирается о чем-то докладывать,— тихо сказал Дик. Однако внизу царила полная тишина.

— Это связной из штаба,— пояснил Дзядек.— Вам, должно быть, известно, что они доставляют приказы в письменной форме.

— Немцы выходят! — взволнованно прервал его Затор.— Все до одного!

Капитан подошел к окну. Мотоцикл зафыркал, объезжая солдат, гуськом потянувшихся к дороге. Офицер, шедший позади, обернулся.

— Und dann nehmen Sie die Frau mit! [1] — громко крикнул он.

— Jawohl! [2] — отозвался чей-то голос возле дома.

— Двенадцать вышли... Значит, двое остались,— прошептал Дробный.

— А что немец сказал? — капитан повернулся к Сцежке.

---

[1] А потом прихватите с собой и женщину! (*нем.*)
[2] Слушаюсь! (*нем.*)

— Приказал захватить с собой жену Шмеля,— отозвался тот, подтягивая кобуру с пистолетом.

Мотоцикл тем временем уже выехал на дорогу. Снизу снова стали доноситься голоса.

— Муж? — Кто-то из немцев, очевидно, обратил внимание на фотографию, висевшую на стене.

— Да,— послышался голос Марыны.

— Где он? — допытывался немец.

— Не знаю.

— Жена — не знайт? Плохой жена!

— Поехал в Краков искать работу.

— Тьеперь знайт,— язвительно усмехнулся немец.— А там что?

— Ничего... Чердак.

— Как только они поднимутся сюда, прикончим их! — зашептал Дзядек.— Но не стрелять, иначе всех нас разнесут в клочья. Ножи!

Капитан моментально понял и оценил мысль Дзядека. Два года совместной жизни в отряде научили его действовать в подобные минуты почти безошибочно. Станьчик кивнул головой. Сцежка первым стал рядом с ним. Широкий трофейный нож в его руках являлся не менее грозным оружием, чем автомат. Затор, вынув на минуту изо рта стальное лезвие, которое сжимал в зубах, с отвращением сплюнул:

— Железом человека кормят! — И затем, словно речь шла о том, чтобы пригласить девушку на танец, сказал: — Франек, мой первый, ладно?

Сцежка наклонил голову в знак согласия. Видно было, что приказ командира успокоил

всех, развеял последние сомнения. Теперь отряд напоминал грозного хищника, изготовившегося к решительному прыжку. Обсуждать создавшееся положение было некогда.

Затор осторожно приоткрыл дверь, и в тот самый момент, когда внизу заскрипели ступени, партизаны услышали знакомые, с надрывом, звуки: Дзядек, уткнув лицо в скатку своего походного одеяла, задыхался от кашля. Плечи его вздрагивали, но ни один звук больше не вырывался наружу.

Между тем немец, стуча сапогами, поднимался наверх. Затор отпрянул к стене. Немец насвистывал какую-то мелодию, в которой неизменно повторялась одна и та же музыкальная фраза. Наконец он остановился, как раз у двери, в каких-нибудь двух шагах от Затора. Полковник, давясь от кашля, поднял голову, зажав рот ладонью. Партизаны затаили дыхание. Вдруг дверь от резкого удара отлетела к стене, чуть не сорвавшись с петель. Высокая фигура наклонилась, переступая порог.

— Ist hier jemand? [1]

В зубах у немца дымилась сигарета. Осмотр чердака носил, видимо, чисто формальный характер, ибо ни один здравомыслящий человек не мог заподозрить, что партизаны станут искать убежища в непосредственной близости от немецкой танковой колонны, преследующей их по пятам. Далекий, однообразный гул внезапно прекратился: вероятно, колонна остановилась на длительный привал. Надо

---

[1] Есть здесь кто-нибудь? (*нем.*)

было действовать решительно, не медля ни минуты.

Немец вошел на чердак и остановился, очевидно дожидаясь, пока его глаза привыкнут к полумраку.

Вдруг он почувствовал, как чья-то неведомая рука вырывает у него изо рта сигарету, и быстро схватился за кобуру, но Затор на какую-то долю секунды опередил его. Легкое прикосновение кончика ножа к горлу немца, видимо, показалось тому чрезвычайно убедительным аргументом. Он вздрогнул всем телом и широко раскрыл рот, словно собираясь закричать.

— Maul halten! [1] — выразительным шепотом приказал ему Станьчик. Затем приблизился и в упор взглянул на немца:

— Wie heißt dein Kamerad? [2]

— Херберт Кнюбель,— хрипло выдавил тот.

— Ruf ihn sofort hier. Mach das aber schnell! [3]

Одно мгновение немец колебался, однако прикосновение холодной стали парабеллума, упершегося в бок, заставило его поторопиться.

— Jawohl,— шепнул он побелевшими губами. В его поведении, несмотря на страх, произошла перемена. Немец, видимо, сообразил, что таинственные обитатели чердака вовсе не собираются немедленно расправиться с ним. Он осмелел и обвел взглядом вокруг, но вид выступавших из полумрака вооружен-

---

[1] Заткнись! (*нем.*)

[2] Как зовут твоего приятеля? (*нем.*)

[3] Сейчас же позови его сюда! Ну, быстро! (*нем.*)

ных людей лишил его остатков самоуверенности.

— Herbert, komm mal hier! Ich hab' was gefunden! [1] — прокричал он сдавленным голосом, высунувшись на лестницу.

— Was denn? Komme gleich! [2]

Скрипнули ступени. Второй эсэсовец, которого звали Хербертом, стал подниматься вверх. Он уже был у двери, когда полковника охватил новый неистовый приступ кашля. В этот момент на фоне светлого прямоугольника двери выросла темная фигура.

— Was ist denn wieder los? Wo bist? [3]

Ответом ему был сильный удар кулаком в лицо. Но этот удар, который был способен свалить и быка, не произвел на немца ожидаемого эффекта. Он лишь слегка покачнулся, но тут же выпрямился и схватился за оружие.

Сцежка сначала прямо-таки опешил, но тут же еще раз опустил на него свой кулак. Этого оказалось достаточно. Падающего немца тотчас подхватили и подтащили ближе к окну.

— Крепкий орешек! — констатировал Сцежка, с нескрываемым удивлением оглядывая костяшки собственных пальцев.

— Дайте ему немного воды! — Дик подошел к лежавшему пленнику.— А пока побеседуем с этим героем.

— Дробный, ты что это? — спросил Станьчик, обратив внимание на то, что могучая

---

[1] Херберт, пойди-ка сюда! Я что-то нашел! (*нем.*)
[2] Что такое? Сейчас иду! (*нем.*)
[3] Что тут опять произошло? Где ты? (*нем.*)

фигура Дробного застыла в какой-то странной позе возле первого немца, который был уже разут и с ужасом озирался по сторонам. Дробный предстал перед капитаном в одном почти новом сапоге; вторая нога была обернута портянкой.

— Осмелюсь доложить: у нас с ним один и тот же размер! Мои уже похожи на сандалии странствующего монаха. А тут такая удача!

— Да ведь ты же...— начал капитан, нахмурив брови, но взглянул на свои собственные сапоги и, поморщившись, махнул рукой.

— Что я? — взорвался Дробный.— А разве пан капитан не говорил, что их снабженцы такие же, как наши?! Походишь в моих, гут? — обратился он к немцу, поднося под самый его нос свои вдрызг разбитые сапоги.

— Ja, ja, gut, gut,— с готовностью закивал тот.

— Видите? — Дробный метнул взгляд на капитана.— Эта скотина согласна!

— Sie werden alle sowieso bald hängen! [1] — Ошеломленный ударом Сцежки, второй немец вытер лицо, мокрое от воды, которой его обрызгали. Он еще не совсем пришел в себя, но уже вновь обрел наглость и заносчивость.— Alle, verstehen Sie? Wir haben Panzer, Kanonen... [2]

— Дай ему по морде! — Дик взглянул на Затора.

— Встать! — Затор перевел на пленного свой тяжелый взгляд.

---

[1] Так или иначе, вас скоро всех повесят! (*нем.*)
[2] Всех, понимаете? У нас здесь танки, пушки... (*нем.*)

— Ihre Formation?[1] — Станьчик приготовился записывать показания пленного в блокнот.

— Erste Panzerdivision SS «Hermann Göring»[2], — присмирел немец.

— Wo gehen Sie hin?[3]

— Wir sind... — немец заколебался.

— Wir sind hier als Waldbandeneinsatz hingeschickt, — добавил второй пленный. — „Säuberungsaktion" heißt es[4].

Почувствовав на себе презрительный взгляд своего товарища, немец испуганно съежился.

— Ihr Oberbefehlshaber?[5]

Дзядек, вытирая вспотевшее лицо платком, подошел ближе. Пленные вытянулись, догадавшись, как видно, что перед ними партизанский командир.

— Oberst Georg Knauss[6], — отрапортовал высокий.

— Достаточно, — обратился полковник к стоящему рядом поручнику. — По крайней мере, из приличного общества.

— Вы его знаете, пан полковник?

— Слышал о нем. Это кадровый офицер еще из кайзеровской армии.

— А-а, не все ли равно?

— Нет! — Дзядек насупил брови. — Для меня — нет. Отобрать у них документы и свя-

---

[1] Какого соединения? (*нем.*)

[2] Первая танковая дивизия СС «Герман Геринг» (*нем.*).

[3] Куда вы направляетесь? (*нем.*)

[4] Нас направили сюда для борьбы с партизанами. Так называемая операция по очистке (*нем.*).

[5] Кто ваш командир? (*нем.*)

[6] Полковник Георг Кнаус (*нем.*).

зать! Постойте-ка! — Дзядек неожиданно повернулся.— У меня возникла мысль. Дробный, ты видишь что-нибудь?

— Так точно, пан полковник, кухня приехала,— доложил тот, опуская бинокль.— Дымит среди танков, как крематорий.

— Кухня, говоришь? — Дзядек на мгновение задумался.— Раздеть их,— распорядился он, указывая на немцев,— да побыстрее!

— Слушаюсь! — Дробный принялся выполнять приказание.

— План такой,— начал Дзядек и, подойдя к чердачному окну, поднес к глазам бинокль. Танкисты, стоявшие в очереди у кухни, были отчетливо видны. До партизан, укрывшихся на чердаке, доносились их голоса. Все партизаны, кроме тех, кто раздевал пленных, сгрудились вокруг командира. Никто не обращал внимания на Марыну, появившуюся в дверях, которая несколько мгновений с изумлением смотрела на врагов, сидевших в одном нижнем белье. Их жалкий вид показался ей забавным: легкая улыбка тронула ее губы.

— Куба и Трык, вы в немецкой форме выдвинетесь с пулеметом на вершину холма у дороги,— продолжал полковник, откашливаясь и поглядывая на часы.— Ровно через десять, ну, скажем, через пятнадцать минут вы дадите несколько очередей по колонне на дороге... Одна граната, даже не долетев до цели, усилит общее замешательство. Подобным маневром вам удастся отвлечь внимание противника от отряда. Пока немцы займутся вами, мы успеем совершить бросок до первых деревьев. Я вижу, швабы намерены здесь на-

долго задержаться. Нам нет никакого смысла выжидать. Когда отряд достигнет леса, отходите в северном направлении. Место встречи — развалины турбазы на Лисьей горе. Вопросы есть? Нет? Тогда — в дорогу!

Полковник, поставив свой парабеллум на боевой взвод, подошел к двери.

— Боже, на кого ты стал похож! — дивился Куба, разглядывая Трыка в непривычном наряде.

— Пожалуй, родная мать не узнала бы вас,— заметил Дробный.

— Пан полковник, мы готовы! — Из-под вражеских касок на командира смотрели Куба и Трык. Кто-то из них — кто именно, Дзядек уже точно не помнил — изучал перед войной математику. За полтора года пребывания в отряде оба дослужились до офицеров. Повышение в звании в партизанских отрядах производилось с удивительной быстротой. Кажется, при взрыве моста на Дрвенце отошел в лучший мир последний рядовой в их отряде.

— Идите! Смотрите не напоритесь на швабов, а главное, не забывайте о быстрой смене позиций. Вам придется жарко! Ну, с богом!

Куба и Трык появились на открытом пространстве и, тяжело ступая, побрели по густой траве по направлению к лесу. Пулемет, который тащил Трык, не привлекал ничьего внимания. Немцы на дороге, несомненно, приняли их за своих. Между массивными неподвижными глыбами танков дымила закопченная труба полевой кухни. Отчетливо были

видны группы солдат, занятых едой. Партизанам предстояло пройти совсем близко от них. Расстояние сокращалось с каждой минутой. Танкисты расположились вдоль кювета; они громко разговаривали. Некоторые из них повернули головы.

На физиономии Трыка мелькнуло беспокойство. Он быстро взглянул на Кубу и вдруг крикнул:

— Ordnung muß sein! [1]

— Ja, klar! Mach sich aber nicht so groß [2],— отозвались голоса.

Они благополучно миновали самый опасный участок пути. Расстояние между ними и немцами снова стало возрастать.

— Как же ты говорил, что по-немецки ни в зуб? — вполголоса обратился к Трыку Куба.

— Говорил, потому что на самом деле не умею.

— А что же ты сказал им на дороге?

— Это все, что я знаю. Так говорил всегда мой мастер на фабрике.

Куба взглянул на Трыка и промолчал. Они уже были на опушке леса.

— Добрались! — Дик облегченно вздохнул. Остальные бурно выражали свою радость.

— Мы конфисковали у жены Шмеля все ее запасы, — сказал капитан, протягивая ко-

---

[1] Порядок должен быть! (*нем.*)

[2] Ясно! Но ты не слишком задирай нос (*нем.*).

мандиру пачку сигарет. — А она плачет, потому что немцы теперь сожгут ее дом.

Дзядек закурил сигарету.

— Эти двое, — сказал он, показывая на пленных, — из бронетанковой дивизии СС «Герман Геринг», направленной для борьбы с партизанскими отрядами. Впрочем, вы сами это слышали. Швабы начали операцию с размахом. Мы окружены! Похоже, что немцы решили уничтожить наш отряд в первую очередь... Да перестаньте вы поминутно пялить глаза на проклятые часы! — перехватил полковник движение Станьчика.

— Но в нашем распоряжении всего три минуты! — возразил с обидой капитан.

— Три минуты... — В голосе Дзядека зазвучали незнакомые нотки. Капитан пристально посмотрел на него. — В этой войне день, пожалуй, играет меньшую роль, чем три минуты. А у нас в лучшем случае в запасе всего только день.

— Пан полковник!

— Ну?

— Пора выходить... — Капитан перевел взгляд на пленных. Те невольно съежились. Он холодно усмехнулся, вынул пистолет.

— Ich bin kein Nazist! O Herr Je! Hab' Frau und Kinder! [1] — забормотал первый, обводя партизан умоляющим взглядом. Второй немец неподвижно лежал рядом.

— Тьфу! — Станьчик с презрением сплю-

---

[1] Я не нацист! О господи! У меня жена и дети! (*нем.*)

нул, пряча оружие в кобуру.— Слизняков не давлю!

— Пан капитан! — Затор остановился перед Станьчиком.

— В чем дело, Затор? — заинтересовался полковник. Затор опустил голову.

— Ну, что с вами? Онемели? Скорее, времени у нас в обрез!

— Я... — начал Затор нерешительно. — Я так думаю: если этих двух придется здесь убрать, то я готов добровольно... Они и не пикнут.

— Что? Вы? Вы, который и червяка не обидит?

— Червяка — нет! Да и за что? — ответил он медленно, тяжело, словно с трудом отрывая от себя каждое слово.— Червяк, он никому зла не делает. А у меня такие, как они, сына убили за то, что я к вам... в лес... подался... Сынок у меня был. Год ему только исполнился, он уже ходить начал... А ночью приехали они на грузовике, и его, сонного, прямо в затылок... А потом еще раз автоматной очередью прошили, для верности. Поэтому я и прошу, чтобы мне разрешили. Я тихо... Клянусь!

— Нет! — с силой сказал Сцежка. — Я понимаю, что у тебя в голове помутилось от гнева, но нельзя так! Нельзя! Ты же солдат, черт возьми, а не бандит, как они!

— Но ведь...— пытался возразить Затор.

— Сцежка прав! — запротестовал полковник. — Всем вниз!

Они спустились в сени, где их уже поджидали остальные. Глухо рванула граната. Первая очередь прозвучала слабо, как бы изда-

лека. Эхо в горах подхватило и усилило эти раскаты, повторив их несколько раз. Кажется, Трыку наконец удалось начать прицельный огонь: он выпускал по врагу длинные, уверенные очереди.

— Теперь вперед!

Первым кинулся Дзядек. За ним, пригибаясь к земле, бросились остальные. Немцы, растерявшись, ответили не сразу. Возле походной кухни, видимо, началась паника. Вдруг воздух задрожал от страшного грохота взрывов. Около рощи, на холме, засверкали огненные вспышки. Земля задрожала, заходила ходуном под ногами. Над долиной повис долгий, непрекращающийся гул, поглотивший собой все остальные звуки.

Атаман с трудом пробирался сквозь густую чащу леса. Кусты преграждали ему путь, ветки хлестали по лицу, их колючие щупальца в клочья разрывали одежду, затрудняли движение, сбивали с ног. Но хуже всего он чувствовал себя, когда перед ним внезапно открывались поляны. Надежда, что теперь-то уж лес кончится, что это конец пути, мгновенно гасла, уступая место разочарованию, отнимая последние силы.

В самые трудные минуты, когда от страшной боли туманилось сознание, он начинал отчаянно ругаться, проклиная собственную слабость и беспомощность.

К знакомому высокому берегу реки, которая в это лето сильно обмелела, Атаман вышел в полубессознательном состоянии. У него

Поднес два пальца ко рту. Раздался свист. Поддерживая раненого товарища, Филателист вел его по каменистой тропинке. Неожиданно совсем близко появились две фигуры, спешившие им навстречу.

— Кажется, схлопотал пулю. Только говорить не хочет, как всегда, — сообщил Филателист партизанам в выцветших гимнастерках. — Помогите.

Они взяли его под руки.

— Лекарство-то он принес? Не знаешь?

— Говорит, принес, — ответил часовой и отправился на свой пост.

— Кто тебя так разукрасил? — спросил один партизан.

— Потом все скажу.

Атаман отсутствующим взглядом смотрел на стог сена, к которому они направлялись, на близлежащий кустарник.

— Теперь уже недалеко, — подбодрил его один из сопровождавших.

Около стога появился высокий мужчина в очках, с густой смоляной бородой.

— В чем дело, Атаман? — Бородач сорвался с места и подбежал к прибывшему. Глаза его, увеличенные толстыми стеклами очков, казались неестественно большими.

— Ты ранен?

— Немного, — прохрипел Атаман. — Где Алеша?

— Ждет тебя.

— Сначала к нему...

Освободившись от рук поддерживавших его товарищей, он сделал несколько шагов, качаясь как пьяный. Облизал запекшиеся губы.

Человек, лежавший в тени стога на наскоро сооруженных носилках, повернул к нему лицо.

— Докладываю: лекарство достал. Одну коробку. — Атаман сунул руку в карман. Бородач взял у него плоскую коробочку, раскрыл ее, протянул руку за шприцем, серебром блеснувшим на солнце.

— Остальные разбились.

— Хорошо, хоть это принес. «Пе-ни-циллин», — медленно и торжественно прочитал Доктор название лекарства, сдвинув очки на лоб. — Первый раз вижу такую штуку. А остальные никак не мог уберечь?

— Не мог, — тихо ответил Атаман, глядя в землю. — Не мог! — неожиданно перешел он на истерический крик. — Не мог! Не мог!

Взгляд Атамана блуждал. Несколько мгновений он был словно невменяем. Потом затих, весь как-то сжался. Вытер рукой лоб движением смертельно уставшего человека.

Доктор, склонившийся над Алешей, удивленно оглянулся. Атаман тяжело дышал.

— Извините. — Он виновато взглянул на командира.

— Ничего. Это из тебя Освенцим выходит. Садись!

— Но...

— Никаких «но»! — перебил его Доктор. — Садись! Сейчас тобой займусь.

— Еще одно... — Атаман недоверчиво оглянулся вокруг.

— Говори! — Командир жестом остановил Доктора, приготовившегося возражать.

— Груз есть!

— Есть? — Алеша вздрогнул. В широко рас-

крытых глазах появилось выражение напряженного внимания. — Где? Садись сюда, поближе.

— Груз надежно спрятан в развалинах турбазы на Лисьей горе. — Атаман попытался сесть, но не смог согнуться.

— Хорошо, сейчас поговорим об всем подробнее. — Алеша ласково прикоснулся к его руке. — Но прежде пусть тебя посмотрит наш Доктор. До войны он практиковал у коновала, но на мне немного подучился. Это немцы тебя так разукрасили?

— Нет. — Атаман расстегнул рубашку. — Один из отряда Дзядека, он тоже нацелился на груз.

— Он ушел от тебя? — Алеша внимательно смотрел на Атамана. Доктор задрал рубашку как можно выше и велел раненому придерживать ее локтями.

— Нет... не ушел, — ответил тот.

Командир обменялся с ним быстрым, понимающим взглядом. Раненый болезненно охнул, почувствовав прикосновение руки Доктора к животу.

— Осторожней! Не с лошадью дело имеешь!

— Знаю... с быком. — Доктор взял бинт.

— Что там в этом грузе? Знаешь?

Алеша развернул на коленях штабную карту.

— Не знаю. А-а-а! — вдруг вскрикнул Атаман.

— Готово! Диафрагма цела. Задело мышцы, а так ничего страшного. Ходить сможешь. — Доктор, сдвинув очки на лоб, ловко бинтовал.

— Что бы в нем ни было, этот груз для нас — огромная ценность. База расположена к югу от дороги на Нова-Бялу. — Командир продолжал внимательно изучать карту.

— Да, за каменоломней.— Атаман глубоко вздохнул. Белые ленты бинта все туже стягивали его живот. — Больше никто его не обнаружил. Я уверен.

— Надо идти туда. Немедленно! — Алеша с трудом повернулся на носилках. — Нам необходим этот груз!

— Товарищ старший лейтенант! — неожиданно раздался совсем рядом басовитый голос огромного роста крестьянина с пышной бородой, до половины закрывающей грудь. Он появился из-за стога незаметно и некоторое время прислушивался к разговору.

— Здравствуй, Бродяга, — улыбнулся ему Алеша.

Под его взглядом морщины на лице старика разгладились.

— Видишь, кто пришел? — командир движением головы указал на Атамана.

— Вижу, — сердито пробурчал старик. — Не только вижу, но и слышу. Ты на меня не серчай. Я деревенский... в политике, как вы, городские, не разбираюсь. А только одно скажу: без отдыха и самая сильная лошадь не потянет. Отдых тебе нужен. Вот что!

— Ведь мы уже третью неделю таскаем тебя на носилках. Больше так нельзя,— поддержал его Доктор.— Мы же договорились, что ты останешься в Студзеной на отдых. Немцы наступают, жара...— Ловким движением он опустил рубаху Атамана, подтянул

брюки, с трудом застегнул их.— Наберешься сил, тогда...

— Сейчас мы примем другое решение,— нетерпеливо прервал его командир.— Бродяга?

Старик вытянулся перед командиром.

— Позови сюда остальных!

— Слушаюсь!

— И не кричи так громко, а то тебя в Берлине слышно, — добавил Алеша.

— Теперь сделаем укол. — Доктор слегка нажал поршень шприца, и на острие иглы блеснуло несколько капель. Подошел к носилкам.

— Что это за штука? — спросил Алеша.

— Боишься?

— Всегда боюсь неизвестности. Что это?

— Пенициллин.

— Говоришь, хорошо действует? Название какое-то чудное. — Он поморщился от укола.

— Не знаю. Слышал, что помогает. Кто-то изобрел недавно. Англичане, кажется. А теперь, видно, наладили производство.

Доктор помог командиру занять прежнее, более удобное положение.

Отряд был уже в сборе. Десять человек, одетых кто во что горазд и с ног до головы вооруженных, окружили носилки. Чувствовалось, что все страшно устали. Алеша посмотрел на партизан.

— Вот мы и дождались, товарищи. Найден груз, — произнес он медленно и спокойно.

— Кто нашел?

Известие взволновало всех. Ваня решился спросить:

— Атаман?

Все взгляды обратились на Атамана.

— Ходил, ходил к этой бабе, да и выходил, — шутливо воскликнул Бродяга. — А еще считают: от бабы добра не жди. А тут, смотрите...

— Замолчи, — огрызнулся Атаман.

— Где этот груз? Далеко? Если далеко, дойти будет трудно. У людей ноги истерлись. Сил нет, — вступил в разговор молчавший до сих пор армянин Савва.

Алеша, разложив на коленях карту, ткнул пальцем в какую-то точку.

— Груз находится вот здесь, на вершине Лисьей горы, в развалинах турбазы.

— Неплохо, — вздохнул Филателист. — Для меня это все равно что на вершине Килиманджаро.

— Нужно будет, полезешь и на Килиманджаро, — сказал Доктор.

— Тогда давайте поскорее двигаться! — предложил Ваня.

— Да. Надо двигаться. — Командир пристально посмотрел на него, и Ваня почувствовал себя неловко.

— Перенесите меня на холм, — распорядился Алеша. — Оттуда видны все окрестности.

Ваня, перекинув автомат за спину, склонился над носилками. Доктор взялся за другой конец. Они двинулись размеренным шагом, неся командира к вершине холма. Тропинка шла через середину цветущего луга.

— Сколько сена зазря пропадает из-за этой войны! — Шагавший в конце отряда

вместе с Филателистом Бродяга жадно вдохнул воздух, напоенный запахом трав.

— Подумаешь, сено, — пожал плечами Филателист.

— Ну что за люди в этой Одессе живут! Жизни не понимают. Ты жизни не знаешь! Сено — это все. Скотина без сена — все равно что... — Бродяга поискал сравнение, — цветы без дождя, — закончил он, довольный, что нашел нужные слова.

Отряд остановился. Алешу приподняли на носилках. С холма открывалась такая широкая перспектива, что темные пятна лесов, прямоугольники полей и ленты дорог казались словно нанесенными на топографическую карту.

— Тихо! — Доктор приложил палец к губам. Командир начал объяснять свой план.

— Там дорога! Видите? — повернулся он к партизанам. — Можно пройти лесом... Вот здесь. Но тогда вся операция чертовски затянется. Вы же знаете, сколько сюда нагнали солдат. Немцы не зря это делают. Они решили очистить от нас эти леса. И если мы еще сегодня не вырвемся из окружения, дело будет дрянь. Этот груз для нас — как вода в пустыне. В нем, наверное, есть и патроны, и еда, и лекарства — все, что нам нужно.

— Большой он?

Атаман, жадно грызший сухарь, увидел склонившееся к нему изборожденное морщинами лицо Бродяги.

— Что?

— Ну, этот груз.

— Как сказать,— заколебался Атаман.— Я едва доволок до места.

— Килограммов сто будет? — заинтересовался и Филателист.

— Больше. А самое главное, с одной стороны наклеены марки. Очень красивые марки.

Кто-то засмеялся.

— Итак, всем ясно, что лесом идти нельзя.— Внимательный взгляд Алеши скользнул по лицам партизан.

— А если не лесом, то как же? — спросил Ваня.

— Помните ущелье, то, что рядом с каменоломней? Вот здесь,— Алеша указал направление. С того места, где расположился отряд, отчетливо были видны две скалы, между которыми белой змейкой извивалась дорога.

— Проход охраняется,— задумчиво произнес Доктор, потирая подбородок.

— Не всегда. Вчера, например, никого не было.

— Так что же?

— Будем рисковать, пойдем кратчайшей дорогой.

— Это же безумие,— прошептал Филателист.

— То же самое ты говорил, когда мы готовились к побегу из лагеря. Ну, так кто из вас знает это место?

— Я! — Ваня залихватски махнул рукой.

— Нужно очень хорошо знать!

Командир уже был не в силах повернуться в его сторону, и Ваня, вероятно догадавшись об этом, подошел ближе.

— Я хорошо знаю.
— Ладно! Поведешь отряд.
— Доктор!
— Здесь!
— Дай мне морфий. Пока еще не болит, но все равно дай... на всякий случай...

Дорога, по которой шел отряд, была с обеих сторон сжата отвесными скалами. Партизаны продвигались вперед осторожно и так быстро, насколько это было возможно. Они буквально утопали в тучах пыли, которую сами поднимали. Носилки с командиром пришлось нести впереди. Алеша чувствовал себя плохо. Шедший метрах в тридцати от отряда Ваня обернулся и помахал рукой, торопя их.

— Быстрей! Немцев нет! Быстрей! — крикнул Алеша, не сводя глаз со светлевшего впереди выхода из ущелья. — Быстрей!

Люди почти бежали. Они достигли нескольких чахлых кустов, взбиравшихся по крутому склону, когда услышали сзади шум моторов и почти одновременно приказ командира:

— Стой!

Партизаны остановились, вытирая потные лица. Положение становилось катастрофическим. О том, чтобы добраться до выхода раньше чем через десять минут, не могло быть и речи.

— Попались! — выдохнул Савва.

Шум моторов становился все отчетливее. Какие-то машины приближались с той стороны, откуда шел отряд.

Алеша, приподнявшись на локте, напряженно прислушивался.

— Налево, за кусты! Быстро!

Отряд мгновенно выполнил приказ. Партизаны прижались к земле как раз в тот момент, когда два медленно ехавших мотоцикла, поднимая пыль, показались из-за поворота. Немцы, в касках и пятнистых маскхалатах, громко разговаривали, смеялись. Мотоциклы проезжали совсем рядом с партизанами.

Лежа в кустах, они проводили их взглядом. Мотоциклисты постепенно сбавляли скорость и остановились в самом конце ущелья, освещенные яркими лучами солнца. Они выключили моторы и сошли с мотоциклов. Двое вытащили сигареты, любезно предлагая друг другу огонь.

— Видно, ждут чего-то,— шепнул Филателист лежащему рядом с ним Бродяге. Тот едва заметно кивнул.

— А может, их?..— Ваня вскинул свой автомат.

— Ты что это? — Атаман дернул его за рукав. — Хочешь, чтобы нам на голову целая дивизия свалилась?!

Алеша, нахмурившись, следил за движением секундной стрелки часов. Мотоциклисты от нечего делать затеяли игру: мерялись силами. Партизаны затихли. Время шло. Слышны были только громкие крики немцев, их смех.

— Чего они ждут? — Филателист высунулся из-за кустов. Бродяга немедленно прижал его голову к земле. Тот больно ударился носом.

— А, чтоб тебя!..

— Тихо! — Старик дал знак рукой, чтобы все замолчали. Партизаны стали прислушиваться. Издалека, с той стороны, откуда они пришли, доносились какие-то странные звуки.

— Земля дрожит!

Бродяга припал ухом к земле. Он как бы слился с нею, пытаясь раскрыть какую-то ее тайну.

— Ну? — Алеша обратился к старику.

— Плохо дело. — Бродяга поднял голову.

— Что слышно?

— По-моему, танки идут. — Он пожал плечами и поудобнее пристроил автомат.

— А если гранатой? — Ваня подкидывал на руке «лимонку». — Взорвется — они остановятся. И тогда мы...

— Никаких «мы»! — прервал его Алеша. — Смотрите! — Они взглянули — и у всех глаза на лоб полезли. Из-за поворота, поднимая облака пыли, такие густые, что они могли бы заслонить солнце, выходило огромное стадо. Впереди шагали два немца. За ними в клубах пыли мелькали рогатые головы. Мычание и пофыркивание сливалось в один громкоголосый хор.

— Коровы! Сколько их! — прошептал ошеломленный Бродяга. — Даже в нашем колхозе столько не было!

— Во всяком случае, их вполне достаточно, чтобы сделать из нас яичницу, — сказал Доктор, нервно поправляя очки.

Рев и топот приближались медленно, но неумолимо, как стихийное бедствие. Облако бе-

лой пыли, поднятое сотнями копыт, заволокло всю дорогу и скалы.

— Внимание! — услышали партизаны голос командира. — Как только пройдет голова стада, встаем. Доктор, поднимешь меня? Сам я не смогу.

— Я тебя, батенька, подниму, только своим манером, — неожиданно вмешался Бродяга. — Коров знаю. Всю жизнь при них... Пусть каждый идет и держится за шею коровы. Уцепись за меня! — Он передвинул автомат и лег рядом с носилками. — Хватайся, только крепко. Когда скажешь, я встану.

— А сумеешь? — спросил Алеша уже в полный голос: стадо было совсем близко.

— Сумею. — Старик прижал его к себе.

— Когда выйдем из ущелья, сворачиваем вправо и бежим к лесу, ясно? — спросил Алеша.

— Ясно, — ответил за весь отряд Бродяга. — Пыль-то нам и поможет.

Его последние слова потонули в шуме и реве. Немцы, конвоирующие стадо, которое заполняло теперь весь узкий проход между скалами, уже миновали партизан. По бокам шли еще два солдата, которых они раньше не заметили. Пыль стала такой густой, что все окружающее исчезло в ней. Партизаны вскочили. Бродяга крякнул, поднимаясь вместе с Алешей. Коровы толкали их, стискивали своими потными боками, сбивали с ног, втягивали в водоворот. Люди тяжело дышали, с трудом ловя воздух.

— Держаться всем вместе! — услышали партизаны команду Алеши. Заботливо поддержи-

ваемый Бродягой, он плыл на широкой коровьей спине. Старик чувствовал себя в своей стихии. Он разговаривал с коровами, одних поглаживал, других отпихивал, колотил по спинам свободной рукой. Поколебавшись немного, он повесил свой автомат на рог коровы, которая несла командира. Шли так некоторое время. Но вот Бродяга взвалил командира на спину, и тогда произошло нечто неожиданное. Освобожденная от своей ноши, корова стремительно рванулась вперед, словно чистокровный мустанг. Яростно распихивая других, бодая шедших впереди, она быстро оказалась в голове стада. Автомат, висевший на роге, бил ее по морде.

Конвоир, шагавший сбоку, остолбенел. Он как раз выходил из узкого прохода. Пытаясь перекричать ревущее стадо, он окликнул напарника, но тщетно. В то же мгновение ему показалось, что он видит человеческие фигуры, появляющиеся из облака пыли.

Он сорвал винтовку. Выстрелил. Ему ответила автоматная очередь. Испуганное стадо дрогнуло, потом рванулось вперед и понеслось, как поток, прорвавший плотину. Охваченные ужасом, животные мчались по проходу между скалами.

Отряд, выбравшись из стада, карабкался вверх по склону. Первые деревья леса были уже близко.

— Удалось! — Атаман не смог удержаться от крика радости, распиравшей его грудь. Он уже не чувствовал боли в животе. Лицо его сияло. — Ура! Удалось! — кричал он во весь голос, размахивая автоматом.

Бежавший немного впереди Доктор, добродушно улыбаясь, махал Атаману рукой, пытаясь утихомирить его.

Это было последнее, что видел Атаман в своей жизни. В следующее мгновение показались танки. Лес вдруг стал ужасно далеким. По-видимому, несколько гитлеровцев одновременно взяли на прицел фигуру Атамана. Раздался залп — и Атаман упал на землю.

Из темного зева разрушенной базы, шелестя крыльями, вылетела летучая мышь. Она не переносила солнечного света, но приближавшиеся человеческие голоса пугали ее еще больше. Ослепленная лучами солнца, летучая мышь описала широкий круг над обрывом и исчезла. Вероятно, где-нибудь в расщелине скалы она нашла укромное местечко, чтобы дождаться ночи.

Глинобитный пол подвала показался партизанам самым удобным местом на земле. Тяжело дыша, они свалились на пол, даже не сняв вещмешков. Их прерывистое хриплое дыхание говорило о нечеловеческой усталости.

— Эх, мать их...— выругался Бродяга.— Головы не чую, ног не чую, в ушах звенит от этого грохота...

— Жалко, что язык тебе не пришили. Лучше было бы,— отозвался Ваня, помогавший Доктору устраивать постель для раненого командира. Сам он едва держался на ногах.

— Ну-ну! Полегче! — вздохнул старик, неловко освобождая плечи от лямок вещмешка. Ему никак не удавалось справиться со своими

дрожащими руками.— Да, «тигры» — это тебе не шутка! Конец нам пришел. Знают, куда мы скрылись. Теперь жди гостей. Я старик, мое время прошло, а вот вас, молодых, жалко. Вам еще жить...

— Заголосил, как баба, ей-богу,— разозлился Ваня.— Вот отдохну, обязательно расстегну тебе портки. Может, и вправду на старости лет в бабу превратился...

— Вряд ли теперь отдыхать придется.— Доктор присел около Алеши.— Да, много я видел раненых, но такого выносливого, как ты, не встречал. Другой бы давно пулю в лоб — и конец мучениям. Здесь больно, да?

— Больно,— сквозь зубы ответил Алеша.— Не говори только так много, ладно? — Он указал на человека, неподвижно лежащего в углу комнаты.— Посмотри, что с этим поляком. Кто его нашел?

— Ваня. Немецкий снайпер его угостил.

— Выносливый,— вступил в разговор Бродяга.— У нас при царе-батюшке поп на селе был, так, бывало, он...

— Тихо! — прервал его Алеша.— Будто шум какой-то...

Савва приблизился к окну. Все прислушались. Поляк вдруг начал стонать, и Доктор склонился над ним.

— Болит? Ложись так.— Он ловко перевернул раненого на бок. Теперь можно было видеть его лицо. Это был Шмель.— Вот, проглоти, понимаешь меня? — Доктор вынул из кармана таблетку и поднес ее к губам поляка. — Проглоти. Болеть перестанет. Не хочешь? Думаешь, что это... да нет же! Это ле-

карство! Ты уснешь.— Доктор безуспешно пытался запихнуть таблетку в рот раненому. Наконец нервы у него сдали.— Да уснешь же! — неожиданно для самого себя закричал он.— Дурак!

— Тебе только коров и лечить, а не людей,— язвительно заметил Савва.

— Все равно скоро заснет. Навсегда,— отозвался Ваня из дальнего, самого темного угла подвала.— Когда я его нашел в кустах, он в луже крови лежал, с ведро, наверно, вытекло, а то и больше.

— Тихо! — Черные глаза Саввы расширились.— Сюда идут!

Партизаны замолчали. Даже раненый перестал стонать, как будто что-то понял.

— В ушах у вас звенит, вот и все,— первым нарушил тишину Ваня.— Ничего не слышно. Кто-нибудь видел, сколько их было, танков-то? Как рвануло, так мне показалось, будто это у нас, в прокатном цехе, тысячу листов железа сбросили сверху.

— Трое погибли. Нет, четверо.— Доктор пересчитал товарищей.— Может, еще кто-нибудь приползет...

— Ну да,— Ваня иронически улыбнулся,— по частям они приползут, на гусеницах немецких танков.

— Замолчи ты! — крикнул Савва, закрывая лицо руками.— Я хочу умереть спокойно, понимаете? Без вас, без ваших идиотских разговоров!

— Ишь какой выискался... индивидуалист.— Бродяга пожал плечами.

— Помогли бы мне.— Доктор переносил

командира в дальний угол подвала.— Здесь я тебя уложу.— Он передвигал камни, устраивая нечто вроде постели.— Так будет удобнее, повыше.

— Убирайся! Кто тебя держит? — Ваня сердито уставился на Савву, показывая ему на выход.— Иди! Здесь недалеко. Лес над тобой будет шуметь, птички чирикать, свежим воздухом подышишь! Чего же не идешь? Трус!

— Прекратите! — прикрикнул командир, превозмогая слабость.— Ваня!

— Есть!

— Забыл Освенцим? Какой ты был тогда? Вспомни-ка! А теперь, Савва, марш наверх! Сиди там и смотри! Бинокль взял? Дай ему, Бродяга.

Доктор, засунув руку поглубже между камнями, изменился в лице. Он нащупал какую-то холодноватую поверхность. Ему стало страшно, но он овладел собой.

— Здесь что-то есть. Осторожно! — крикнул он товарищам.

Никто из них даже не подумал отойти в сторону. Бродяга обломком доски расширил отверстие.

— Тайник! — Доктор не верил своим глазам. Все бросились ему на помощь.

— Видно, у Атамана сил не хватило закопать,— добавил он, когда мешок был извлечен из-под камней.

— Надо же, вынюхал! — удивился Ваня.— Если бы ты болезни так хорошо определял, быть бы тебе заведующим больницей. Смотри, груз-то совсем целехонький.

— Патроны есть, наверное,— добавил Бро-

дяга и приподнял мешок.— Тяжелый. Надписи какие-то...

— Патронам радуются,— издевательски фыркнул Савва.— Из наших автоматов по немецким танкам все равно что горохом по слонам палить. Может, там жратва найдется?

— Ты еще здесь? — Алеша приподнялся на локте.

— Жрать хочется.— Савва отвел глаза.— Увижу я эти проклятые танки раньше или позже, ничего от этого не изменится. Все равно конец. Нет отряда. Час-два — и нас тоже не будет.

— Врешь! — Ваня остановился перед Саввой.— Я, например, буду. Когда из лагеря бежали, один так же говорил. А видишь, я живу, а он, наверное,— фью! — через трубу на свободу вылетел.

— Живешь? — усмехнулся Савва.— И это жизнь? Ни рук, ни ног не чувствуешь, на зубах песок хрустит, в ушах звон; забыл, как водка пахнет...

— Я пойду, товарищ старший лейтенант,— поднялся Бродяга.— Меня хоть в комсомоле не воспитывали...

— Нет! — Алеша стоял на своем.— Он пойдет.

— Комсомол, говоришь? — Ноздри Саввы дрожали, губы искривились в презрительной гримасе.— Я комсомол в крымских портах проходил. Теперь могу вам сказать, потому что и так всем конец. Банда Савки, слыхали о такой? — Савва очень близко подошел к Алеше, спокойствие которого раздражало его.— Ну, чего смотришь? Чего смотришь?

Все еще коммунизм собираешься строить? Окружили нас, понимаешь? Сейчас сюда придут. А Москва твоя далеко, неизвестно где. Ну, ладно! Иду! Черт с вами со всеми! — Савва направился к выходу.

— Бинокль не забудь! — спокойно напомнил ему Алеша.

Тот повиновался.

— Ладно,— сказал он флегматично.— Буду смотреть с той стороны, которая все уменьшает.

Его шаги гулко отдавались под каменными сводами.

— Хорош фрукт! — тяжело вздохнул Бродяга.— Должно, отец намучился с ним... А у меня дочки. Одна докторша, а другая...

— Дай нож,— перебил его Ваня, занятый вскрытием найденного груза.— Железка вдавилась. Открыть трудно будет.

— Бери.— Бродяга неохотно протянул нож.— Только поосторожней. Смотри не сломай. Это мне зять подарил, на память. Немцы не нашли.

— Странные у этих казаков обычаи.— Ваня поднял голову.— Подарить тестю нож!.. Зачем, спрашивается?

Доктор, подсунув вещмешок под голову Шмеля, склонился над командиром.

— Ну, как дела, Алеша? Болит? — Он указал на поляка.— Тот как будто уснул. Так и умрет, наверное, во сне.

— Морфий есть еще? Дай.

— Значит, болит. Есть еще две.— Доктор стал быстро развязывать вещмешок.— Если бы тебе не раздробило кости, мог бы еще...

— А-а-а! — Раненый скорчился от боли.— Давай скорее!

Неожиданно на лестнице появился Савва. Все повернулись к нему, но он молчал.

— Ну, чего там?

Доктор застыл на месте с открытой коробкой в руках.

— Ничего. Самолет носится как угорелый.— Казалось, Савва был даже доволен этим.— Побыстрее открывайте свой клад, а то так и не успеете посмотреть, что в нем. Танки подходят со всех сторон, аж земля трясется. Конец! Подумали о своих последних желаниях?

— Шут гороховый! — Бродяга даже сплюнул от возмущения.

Сцежка оглянулся — за ним брели семеро. Лицо его было искажено болью и усталостью, голова забинтована. Ручейки грязного пота разрисовали его лицо фантастическим узором.

Партизаны лезли вверх, цепляясь за пучки травы, которой поросли горные склоны. Дзядек тяжело дышал, издавая какие-то странные свистящие звуки.

Широкая и плоская равнина осталась далеко внизу. Отголоски пулеметных очередей долетали сюда приглушенно, напоминая стук пневматического молотка. Только изредка, когда разрывался снаряд, выпущенный танком, земля вздрагивала. Вдали за деревьями догорала изба Шмеля.

— Кажется, добрались,— сообщил остальным Сцежка, с трудом взбираясь еще выше: автомат и вещмешок тянули его вниз. Он крякнул, подтянулся еще раз и, выбравшись на край обрыва, подал руку полковнику. Марына, замыкавшая группу, как подкошенная упала на траву. Сцежка приложил ладонь к уху, прислушался.

— Будто хрипит кто,— сообщил он командиру.

— Где?

Вместо ответа Сцежка указал автоматом на чахлый кустарник.

— Есть здесь кто-нибудь?

Автомат затараторил неожиданно. Пули со свистом пошли над его головой.

— Что за черт! — Удивлению Сцежки не было границ. Он выпустил очередь по кустам, потом еще одну. Автомат Затора тоже вступил в дело.

— Бросить? — Дик уже приготовился к броску, сжимая в руке гранату.

Станьчик перевернулся на спину, прижимая к груди простреленную во время отступления руку. На бледном лице еще сильнее выделялись его глаза, в которых отражалось голубое небо.

— Думаешь, они?

Дзядек, нахмурясь, сосредоточенно обдумывал что-то.

— Бросай! — приказал он вполголоса.

Поручник, вырвав чеку, несколько мгновений шевелил губами, словно молился. Потом его тело сделало стремительный рывок. Все прижались к мягкой траве. Прошла одна се-

кунда, другая. Взрыва не было. Подождали еще немного.

— Эх, где наша не пропадала! — Затор, потеряв терпение, вскочил и помчался к кустам, поливая их автоматным огнем. Оттуда не раздалось больше ни одного выстрела.

Неожиданно из-за деревьев вынырнул самолет. Несколько мгновений казалось, что темный силуэт повис над отрядом, моторы ревели прямо над головой. Прятаться было поздно. Вобрав голову в плечи, люди ждали, что вот-вот раздастся треск пулеметов. Но, очевидно, летчик не заметил их.

— Братцы, смотрите, русский, клянусь богом, русский! — крикнул Затор.

Человек лежал на боку. Темная струйка крови застыла на подбородке. Казалось, он был мертв.

— Пуля попала в живот, недолго еще протянет.— Капитан старался придать руке, в которую был ранен, наиболее удобное положение.

— Неужели это он стрелял? — удивленно воскликнула Марына. Она подошла ближе. Полковнику почудилось, будто тень улыбки промелькнула по лицу русского. Он приоткрыл веки.

— Маруся! — проговорил он еле слышно.

— Ты его знаешь? Откуда?

Дзядек подозрительно посмотрел на женщину. Марына судорожно проглотила слюну.

— Один из их отряда был болен и...

— И что?

— У меня жил.

— Как это «жил»? Скрывался, да?

— Да.

— Это он и есть?

— Нет, этот еду приносил и лекарства. У того почки болели, на диете сидел. Другие тоже иногда приходили.

— Каналья! — возмутился Дзядек.— И не стыдно тебе, жене партизана, трижды награжденного за храбрость, помогать врагам? Неужели в этой стране идиотов, как говорил покойный маршал, никто не понимает, когда он действует себе во вред, а когда на пользу? — Эта фраза предназначалась уже всему отряду.— Муж знает об этом?

В глазах старого офицера, внимательно наблюдавшего за женщиной, зажглись злые огоньки. Она была слишком напугана, чтобы понять вопрос.

— Пан полковник спрашивает, уведомили вы об этом своего мужа? — ласково обратился к ней Станьчик. Видно было, что он сочувствует женщине.

— Кое-что сказала, но...

— Кое-что! — иронически фыркнул Дзядек.

— Он был болен. Ночью его принесли. Что я могла сделать? — Марына посмотрела прямо в глаза полковнику. — Если бы опять...

— Что тогда?

— Я сделала бы то же самое.

— Браво! Пусть уж Шмель сам поблагодарит ее за такую доброту. Я не буду возражать.

Дзядек присел около раненого.

— Ты от Алеши? Где твой отряд?

Губы русского шевельнулись, должно быть, он что-то сказал. Полковник выругался.

— Даже граната не сработала! — Дик положил ее на ладонь и осматривал с нескрываемым изумлением.

— Бросишь ты наконец эту штуку? — Злость полковника нашла выход. Поручник, удивленный этой неожиданной вспышкой гнева, размахнулся и швырнул гранату далеко в сторону. Он не успел опустить руку, как грохнул взрыв, всколыхнувший воздух. Партизаны переглянулись.

— Немцы? — Рука раненого потянулась к автомату. Это было привычное движение, скорее рефлекс, как у курильщика, не глядя берущего сигарету с одного и того же места. По-видимому, так же русский стрелял и в Сцежку.

— Нет.

Марына немного приподняла голову раненого, поднесла к его губам фляжку с чаем. Он сделал несколько жадных глотков.

— Одной ногой уже в могиле, — высказал предположение Затор.

— Немецкие фашисты и польские фашисты — это все равно... — Русский закрыл глаза.

— Брешешь! Мы не фашисты! Мы Польская независимая боевая группа! Понял ты? — Дробного всего перекосило от бешенства.

— Сейчас не время вести подобные споры! — Капитан размеренно покачивал раненой рукой. Он чувствовал себя гораздо лучше.

— Оставлять его так нельзя. — Затор поскреб свою давно не бритую щеку.

Стрельба тем временем приблизилась. Эсэсовцы, по-видимому, догадались, что партизаны отступают лесом, забираясь все выше в

горы, и выслали вперед разведчиков, которые методично обстреливали каждый кустик, каждое деревце на своем пути — им всюду мерещились партизаны.

— Далеко отсюда до базы? — спросил капитан, пытаясь определить время на своих часах. Стекло было разбито. Он недовольно поморщился.

— Теперь близко. Метров триста, не больше.— ответила Марына.

— Положите раненого на одеяло. Вперед! Капитан Станьчик, пойдете первым,— распорядился Дзядек.

Лес неожиданно кончился. Дальше, до самой горной вершины торчали лишь одинокие, высохшие от яростных атак ветра деревца.

— Где же эта развалина? — нетерпеливо спросил Станьчик.

— Там.— Марына, прикрыв глаза от солнца, всматривалась вперед.

— Не пойму где.

— Левее, возле той сосны.

— Ничего не вижу.

— А я вижу! — закричал Сцежка.

— А русский-то готов. Даже не пикнул,— спокойно сообщил Дробный.

— Не может быть!

Дик подошел первым, за ним остальные. Лицо русского пожелтело, нос и подбородок заострились.

— Несу, несу, и вдруг полегчало. Видно, душа из него улетела,— начал объяснять Дробный.

— А из тебя и улетать будет нечему,— неодобрительно пробормотал Затор.

— Самолет, прячься! — закричал Станьчик, огромными прыжками пересекая поляну.

На этот раз летчик был внимательнее. Как хороший портной, он проверил свою машинку перед работой, дав две пробные очереди, а затем положил ровненький шов через всю поляну. Промазал на какие-нибудь сантиметры. Неуклюжий «мессершмитт» только с виду казался неповоротливым. Уже через двести метров машина, брошенная на левое крыло, послушно вошла в стремительный вираж. Отряд снова залег. И тогда из недалеких уже развалин базы затараторил пулемет.

— Наши! Шмель уже там! Стреляют! На-а-а-ши!

Затор вскочил первым. За ним бросились остальные. Это произошло как раз в тот момент, когда самолет вошел в пике. Пулеметные очереди слились в сплошной оглушающий рев. Партизаны поспешно прыгали в чернеющее в земле отверстие. За стеной можно было только сползать вниз по узкому проходу, туда, куда вели каменные ступени. На ощупь, тяжело дыша, поминутно сталкиваясь друг с другом, они стали спускаться, ошеломленные, ослепленные внезапным переходом от солнечного дня к темноте.

— Вот мы и встретились, пан полковник!

Эти слова прозвучали, как громовой удар. Дробный опомнился первым и, мгновенно выдернув чеку гранаты, метнул ее в глубь подвала.

— Ложись! — закричал он и потянул за собой Затора.

Лестница отделялась от подвала турбазы

каменной стеной. Поляки прижались к ней. Граната упала на самую середину и кружилась, как волчок. И тогда случилось нечто совершенно неожиданное. Кто-то спрыгнул вниз. В полосе слабого света, проникавшего через два маленьких окошка, появился чей-то темный силуэт. И только когда человек, схватив крутящуюся на полу гранату, выбросил ее через окно, они узнали Дика. Взрыв грохнул уже за стеной. Мощная, сжимающая барабанные перепонки взрывная волна ворвалась в подвал вместе с тучей пыли и дыма. Оба отряда ждали в полной боевой готовности, пока осядет пыль.

— Здравствуйте, паны! — холодно и с насмешкой произнес кто-то из русских.

Теперь уже можно было разглядеть Алешу, лежавшего на носилках около стены. Он оперся о локоть. Рядом стоял Доктор. Пыль и дым душили всех. Кашляя и протирая глаза, русские и поляки наконец увидели друг друга.

Дзядек, выхватив пистолет, прицелился в Доктора. Тот даже не вздрогнул.

— Не стреляйте! Ради бога, не стреляйте! — Стройная фигура Марыны выросла между двумя мужчинами.

Внезапно каменные перекрытия над головой задрожали, как от удара молотом по металлу. Крошки белого песчаника брызнули в лицо. Вероятно, немцы уже вышли из леса.

— Москалям продалась! Уберите от меня эту девку! — закричал полковник.

Глаза поляков постепенно освоились с полумраком. Доктор, оказывается, тоже держал пистолет наготове. Дробный бросился на по-

мощь командиру, и Марына с коротким стоном отлетела к стене.

— Бабу не бей! — пробасил Сцежка.

Марына шагнула к русскому.

— Чего ждешь? И ты стреляй! Мало вам трупов, мало крови? Пользуйтесь случаем! Можете помочь немцам перебить друг друга!

— Сумасшедшая! — завопил Дробный.— Укусила меня! Клянусь богом, укусила!

Лицо полковника блестело от пота. Поляки смотрели на своего командира с удивлением. Рука Дзядека, державшая пистолет, нервно дрожа, опускалась вниз. Медленно, сантиметр за сантиметром. Казалось, это стоило ему невероятных усилий.

— Алеша? — прохрипел он.

— Да, это я.

Русский больше ничего не сказал. Воцарилась тишина. Марына вздохнула отрывисто, боязливо.

— Товарищ старший лейтенант! — В отверстии над разбитыми ступеньками появилось широкоскулое лицо.— От дороги тоже идут!

— Эх, черт!

Алеше хотелось рвануться с носилок; ему с трудом удалось побороть это желание.

Град пуль снова обрушился на каменные развалины. Затор, бросаясь к окну, крикнул:

— Ну что, так и будем ждать, пока нам швабы глотку перережут?

Фигуры немецких разведчиков почти не выделялись на травянистом покрове луга. Дрожа от нетерпения, Затор открыл огонь.

— Потом поговорим! — Доктор, повернувшись к полякам, отступил к разрушенному

выходу. Вертикальная складка прорезала его лоб. Ваня молча, внимательно наблюдал за польским отрядом, держа автомат наготове. Он был весь в напряжении.

Дзядек сосредоточенно рассматривал его. Да, вот такие, опаленные солнцем русские лица ненавидел он последние годы. Сознание того, что русский, не колеблясь, застрелит его при малейшем движении, которое он сочтет опасным для жизни своего командира, вернуло полковнику уверенность в себе. Пряча пистолет, он обратился к Доктору:

— Где мой разведчик? Прошу прощения, но сегодня уже не будет «потом».

Ваня усмехнулся:

— Смотри ты, какой философ!

Алеша стремительно повернулся к нему:

— Молчи! Ваш звядо́вца ра́нны, ле́жи ту,— сказал Алеша полковнику, с трудом подбирая польские слова.

— Немецкий снайпер, сукин сын, меня угостил. В живот попал,— раздался голос Шмеля.

— Юзек! — Марына бросилась к мужу, опустилась около него на колени. Он оттолкнул ее:

— Не лезь ко мне! К своему лезь!

Она молча отошла.

— Жена твоя, да? — Бродяга, стоявший у одного из окон, обернулся.— Знаю ее. Больной был, у нее в хате лежал. Я тебе вот что скажу, парень. Если бы моя дочка была такой, я бы гордился ею. И ты гордиться должен. Баб на свете много, а женщину трудно найти. А она — настоящая женщина. Можешь мне, старому человеку, поверить.

— Странно! — Сцежка смотрел в бинокль.— Немцы отступают к лесу. И с той стороны тоже. Дробный, посмотри из другого окна.

Действительно, стрельба прекратилась. Все затихло.

— Эй, старый черт, подвинься! — Дробный подошел к окну, около которого стоял Бродяга.— Не понимаешь человеческого языка? Отодвинься! Мерси боку! — Дробный, высунувшись из окна, прищурился.

— Верно. Отступили, но стоят. Через полчаса они сделают из нас гуляш в международном соусе.

— Ага! Уважаемые «товарищи» как раз открывают нашу посылочку? — услышали все иронический голос полковника.

Двое склонившихся над мешком русских резко обернулись. Одним из них был Савва, другой — Филателист. Встретив взгляд Дзядека, он отвел глаза.

— А разрешения спросить разве не полагается?

— Неделю назад нам сообщили по радио о выброске груза. Или это не тот? — отозвался Алеша.

— А вы наши грузы не брали? — взорвался Ваня.— В Пшиборуве не взяли, да? И в Вырембах, и в Рыдзеве? А в Зембе не вы украли наши лекарства?

— Украли?!

Затор подскочил к Ване с кулаками. Его едва успели схватить за плечи.

— Спокойно! — приказал Алеша своим, но его никто не слушал.

Оба отряда, стоя друг против друга, держали оружие в боевой готовности. Несколько сильных взрывов сотрясли стены. В проломе показалась голова одного из русских:

— Нас окружили со всех сторон! Атакуют!

Некоторые сразу же побежали наверх. Затор припал к окну. Его автомат заговорил короткими очередями.

Дзядек оглянулся и, не обнаружив никого из своих, нахмурился. Бродяга уставился на него с явной издевкой, слюнявя газетную самокрутку.

— Подпустите их поближе и только тогда открывайте огонь.— Алеша, склонившись над картой, отдал приказ одному из своих подчиненных. Худой солдат с длинным носом слушал его внимательно.

— Что будем делать, пан полковник? — Станьчик подошел к командиру.

— С кем?

— Ну, с этими, здесь? — Капитан указал на русских.

— Н-да... Наверное, надо действовать так, будто их вообще здесь нет.

На лестнице затопали. Партизаны возвращались.

— Плохо дело. Швабы скапливаются. К счастью, танки не смогут приблизиться к базе.— Дик подошел к капитану и полковнику.— Они думают, что нас здесь много.

— А видел, как тот фриц перекувырнулся? — Зычный бас Сцежки заполнил подвал.— Наверно, какая-то важная шишка. И совсем близко подошел.

— Должно быть, с визитом вежливости к нам направляется,— заметил Затор.

— А может, бабу почуял,— подсказал Дробный.

Все захохотали, сразу повернувшись к Марыне. Она сидела в углу комнаты, оцепеневшая, глядя куда-то в пространство.

— ...Я его сразу взял на мушку.— Филателист, возбужденно жестикулируя, рассказывал Доктору.— И только он еще раз приподнялся, я уж не зевал. Просверлил ему дырку в черепушке...

Он замолчал. Казалось, только теперь оба отряда вспомнили о взаимной вражде. С неловким чувством все уселись на досках, положенных вдоль стен.

— Воды,— застонал Шмель.

Марына вскочила, беспомощно оглядываясь.

— Вот, возьми.— Доктор подал ей фляжку. Она подбежала к мужу.

— Не хочу! — Шмель оттолкнул ее руку, угрюмо поглядел на Доктора. Ревность мучила его, заставляя подозревать каждого.

— От тебя мне ничего не надо, а уж русской воды...

Марына беспомощно пожала плечами, глядя на мужа умоляющим взглядом.

— Возьми, Юзек, вся вода одинаковая.

— Нет! — Он отвернулся к стене.

Сцежка, украдкой наблюдавший за этой сценой, не сказал ни слова.

— Недобрый, ой недобрый! Ты не знаешь, колотил он ее, когда здоровый был? — шепотом спросил его Филателист.

— А тебе что? Какое твое дело? — окрысился Сцежка.— Никогда он ее не бил. Они любят друг друга.

— Лю-ю-бят? — Собиратель марок произнес это слово нараспев.

Сцежка посмотрел на сидевшего рядом Ваню.

— В бога веришь?

— Бога нет.

— Нет? А кто мир сотворил? На заводе его сделали, да? Сегодня душу можешь отдать на вечные муки, а богохульствуешь. Окропить бы тебя святой водой, а то спасения души не дождешься.

— Вода есть только у русских,— фыркнул Дик.— Так что со спасением души нелегко будет.

— Ничего не понимаю,— пробормотал Ваня.

— Нехристь ты! А смерть близко.

— Смерть! Что мне смерть? Я уж много раз помирал. Каждый день помирал.

— Где?

— В Освенциме.

— Сцежка! — загремел вдруг голос Дзядека.

— Слушаюсь!

— Нечего из себя апостола изображать! — Полковник был мрачен. Он указал на лежащий у стены мешок.— Нужно открыть. Патроны и питание для нас важнее вечного спасения.— Вероятно, он заметил взгляд Станьчика, потому что неожиданно обратился к нему: — Почему вы молчите, капитан?

— Думаю.

— О чем?

— О богородице. Она бы рассердилась на вас, пан полковник, если бы услышала такие слова. Раньше вы говорили о вечном спасении иначе, как-то возвышеннее. Помните, пан полковник, сорок второй год? Мы тогда учили английский на случай высадки союзников. Когда отряд запевал, даже эхо по лесу неслось. Теперь бы из нас квинтет не получился.

— Ошибся я в вас, капитан.— Дзядек сумел справиться с охватившим его бешенством. Только лицо его стало кроваво-красным.

— Вы сами спросили.— Станьчик с преувеличенной серьезностью занялся своими сапогами. Полковник решил прекратить бессмысленный разговор.

Согнувшись в узком проходе чуть ли не пополам, в подвал спустился Затор.

— У этого шкуроеда, немца подстреленного, кажется, есть «бергман». Шваб лежит близко, его фляжка на солнце сверкает, даже глазам больно.

— Фляжка, говоришь? — заинтересовался Дробный, вставая.— Пан полковник, разрешите познакомиться с тем покойничком.— Он вытянулся перед командиром. Чувствуя на себе его подозрительный взгляд, он проглотил слюну и добавил: — «Бергман» достану, патроны.

— Не боишься? Немцы пристрелялись к поляне.

— Чему быть, того не миновать.

— Ну, иди. И... возвращайся.

Дробный взбежал по ступенькам.

— А если что случится... то я вам составлю протекцию у Святого Петра. Первым там буду.

— Скорее, у Вельзевула...— засмеялся Дик.

Неказистая фигурка бывшего парикмахера исчезла. Наверху светило солнце.

— Где эта дохлятина? — спросил он часовых, притаившихся за каменной стеной, около пулемета. Вокруг свистели пули, горное эхо далеко разносило звуки выстрелов.

— Ты что, помолиться за него хочешь?

Бродяга и Сцежка повернули к нему головы.

— Хочу ему святого маслица отнести.— Дробный лег рядом с ними.

— Подними голову и смотри. Вон там, около кустов, фляжка блестит,— сказал Сцежка.— Только гляди в оба, чтобы они тебе вентиляцию в черепушке не сделали.

Дробный осторожно высунул голову.

— Точно,— шепнул он,— лежит.

Он пополз к отверстию, через которое польский отряд проник в подвал. Медленно, сантиметр за сантиметром высовывался из лаза, пока не оказался снаружи. Он полз по траве, прижимаясь к ней всем телом. Немец лежал, уткнувшись головой в землю.

Цепкие руки Дробного ловко отцепили фляжку. Он тут же отвернул пробку, понюхал, и лицо его прояснилось. Припав губами к горлышку, Дробный довольно долго пил, потом завинтил пробку. Пули засвистели над самой головой. Дробный прижался к трупу, снял подсумок с патронами. Из леса заме-

тили его. Когда он вернулся за забытым автоматом немца, весь огонь сосредоточился на нем.

Обратный путь оказался не столь легким и занял гораздо больше времени. Каждый метр растягивался в бесконечность. Совсем уже немного оставалось до входа, когда пуля пробила фляжку. Брызнула прозрачная жидкость. Дробный заткнул дырку пальцем, но спирт вытекал с другой стороны. Тогда он снова прижал фляжку к губам. Огненная жидкость, видно, придала ему смелости, потому что он вдруг вскочил и несколькими прыжками достиг входа. Буквально через секунду на стену, за которой он скрылся, обрушился град пуль. Брызнула во все стороны штукатурка. Но Дробный уже был в безопасности.

В подвале открывали мешок.

— Эта штука американского производства, стало быть, она предназначена для польских отрядов. Патроны нам пригодятся, продукты тоже,— говорил полковник. Русские смотрели хмуро, но не говорили ни слова.

Дзядек заметил странное выражение лица Станьчика.

— Почему вы молчите?

— Не знаю.

— Готово! — Затор вытащил из мешка плоскую коробочку. Нетерпеливо открыл ее.

— Что это? — воскликнул полковник.— Лекарства?

— Да. Аспирин.— Станьчик судорожно

вздохнул, не веря своим глазам. В коробочке ровными рядками лежали белые таблетки.

— Давайте другие.— Дзядек нетерпеливо протянул руку. Дрожащими пальцами разорвал бумажный мешочек.— Черт возьми,— прошептал он.— Аспирин, хина, какие-то капли, йод...— Губы его искривились вымученной улыбкой.— Аптеку можно открыть, честное слово.

Трясущимися руками он раскрывал все новые и новые мешочки, коробочки, баночки. Вскоре стало ясно, что груз содержал только медикаменты и ничего больше.

— Пилюли для дезинфекции воды.

Станьчик, наклонив голову, читал:

— «Внимание! Укус комара вызывает малярию». Здорово, а? Укус комара! Думают о нас, не забывают!

— Патроны! Продовольствие! — Дик разразился истерическим смехом. Коробочки с таблетками выпали у него из рук.— Укус комара! Малярия! — Он схватил какую-то коробочку и с размаху бросил ее на пол.

Розовые пилюли, похожие на пуговицы, привлекли внимание Доктора. Он поднял одну из них и дал Алеше.

— Будем умирать с пустыми животами, без патронов, но зато вылеченные.— Станьчик обратился к полковнику.— Не думал я, что там так заботятся о нашем здоровье.— Он взглянул на Дика.— Ну как, пришел в себя?

Поручник не ответил.

— Думаешь, мне не хотелось поесть английских консервов? — продолжал капитан.— Скверная кухня у этих англичан, но если бы

сейчас что-нибудь подвернулось, я бы не отказался. Ты не хочешь пересчитать эти пилюльки? Арифмометр при тебе?

— Нет! — взорвался Дик.— Отстань от меня! — Он дрожал всем телом. К ним подошел полковник.

— Успокойтесь! Дело идет о чести польского офицера. Эти, здесь,— он кивнул на русских,— не должны быть свидетелями наших душевных переживаний. Мы не вместе с ними, а рядом, не правда ли?

— Неправда! — Дик взглянул на командира. Лицо его неузнаваемо изменилось.— Неправда! Все ложь, понимаете? Моя смерть — это мое личное дело! Я буду умирать так, как мне хочется!

— Я-то сам из деревни, понимаешь? — Бродяга взглянул на расположившегося рядом с ним Сцежку.— Красивая деревня, с садами. Земля благодатная. А сколько коров! — Старик даже зажмурил глаза от восторга.

— И у меня пять коров было, голландских,— с достоинством ответил Сцежка.— Целых пять!

Русский пожал плечами.

— У нас было пятьсот. Понимаешь? Пять...— он начал чертить на полу.— Пятьсот! А какие молочные!

— Сдается мне, все ты врешь. Что значит «у нас»? — недоверчиво спросил Сцежка.

— У нас — это в колхозе, понимаешь? Бывало, солнце садится, от реки ветерок тянет.— Старик мечтательно втянул носом воз-

дух.— Рожь на ветру колышется. А как урожай соберем, сельчане песни поют.

Он тяжело вздохнул и неожиданно запел.

— Не дери глотку! — повелительно прикрикнул Доктор, но его слова заглушили другие партизаны, подтягивая протяжно, насупив брови, целиком отдаваясь пению.

Савва прервал пение первым.

— Ах, любовь, любовь! — произнес он.— А где тут наша любовь, куда девалась? — Савва нетвердо стоял на ногах.— Я так думаю, что должна она нас приласкать...

— Ты что, напился? Садись! — резко приказал ему Доктор.— Садись, тебе говорю!

— Какое там напился! Один глоток из фляжки сделал на пустой желудок...

— Стой!

Голос Доктора прозвучал резко и повелительно. Он схватил пьяного за руку.

— Не трожь! Не трожь, говорю! — Савва вырвался резким движением.— Меня трогать нельзя. Я свободный человек. Ты мне не можешь приказывать. Права не имеешь! Твоя она, что ли?

— Иди на свое место!

— «Свое»? Товарищ старший лейтенант, слышишь грохот? Это в честь нашей смерти барабаны бьют. Скоро каждому местечко найдется, каждому свое. Времени у нас осталось мало. Нравится она мне, вот я и иду к ней.

— Ну и сволочь же ты! — Доктор направил на него автомат.— Один шаг сделаешь — и никакого времени больше у тебя не останется.

— Марыся! Тут один «товарищ» к тебе...—

Шмель заговорил слабым, тихим голосом, но его услышали все.— Прими его. Ты ведь добрая! Добрая, да?

Ему стало совсем плохо, но он, пододвинув автомат и положив палец на спуск, начал медленно приподниматься. Сел. Его лихорадило. Фигура жены то отдалялась, то приближалась, но Шмель был уверен в своей руке. Вот только нажать — и все, и тогда позор его будет смыт. Но он никак не мог этого сделать. Лицо Шмеля искривилось презрением к самому себе, к своей слабости. Он рассматривал любимую женщину, будто видел ее впервые. Рядом раздавались голоса — это партизаны спорили, ругались. Но Шмелю все это было безразлично. С большим трудом ему удалось наконец повернуть автомат стволом к себе и уткнуть его в подбородок. Еще мгновение — и... Но острый приступ боли сразил его.

— Ты что, парень? Не терпится тебе умереть? — Дробный, легко преодолев сопротивление Шмеля, вырвал у него из рук автомат. Потом снова приложился к фляжке.— Я сам себе хозяин,— он икнул,— сам себе генерал! — Ударил себя в грудь, сделал еще глоток и, облизывая губы, снова обратился к Шмелю: — Еще час или два — и какой-нибудь фриц сделает это за тебя.

— Вы что, самогонный аппарат нашли, что ли? — удивился Трык.— Сначала этот русский, теперь ты.

— Откуда у тебя водка? — Сцежка взял из рук Дробного фляжку. Из отверстия, пробитого пулей, брызнул фонтанчик жидкости. Он

прижал фляжку к губам. Лизнул языком.— Спирт, ей-богу, спирт!

Другим тоже захотелось попробовать, фляжка пошла по рукам.

— Отдайте, хамские рожи! — чуть не плача, Дробный пытался вырвать фляжку. Двое русских, сидевших неподалеку, рассмеялись. Тогда вся его злоба обратилась против них.

— Смеетесь? Смейтесь! А я убивал ваших весь этот год! — Он уже совершенно не владел собой. Пьяное бешенство застилало глаза.

— Я тоже убивал польских фашистов,— сказал Ваня, вставая.

Дробный замахнулся, и в то же мгновение, сраженный молниеносным ударом Ваниного кулака, грохнулся на пол. Стоящий рядом Сцежка схватился за автомат:

— Стой!

Его приказ был услышан всеми. Партизаны замерли на своих местах. Ваня сел, не спуская пристального взгляда с поднимающегося Дробного. Филателист опустил ствол автомата. Алеша что-то коротко сказал своим.

— Дробный, пойди смени Затора на посту! — Лицо Сцежки покрылось красными пятнами.— Ты слышал?

— Я выполняю приказы офицеров, а не твои, гнида! — отрезал тот.

— Что здесь происходит? — Дзядек, пробуждаясь от короткой дремоты, кашлянул несколько раз и вслед за этим изверг из себя целый поток хрипящих и свистящих звуков.

— Пан полковник, ваши подчиненные распустились,— сказал Дик. Кашель командира

несколько утих, и он смерил поручника холодным взглядом.

— Ваше мнение меня не интересует, поручник. Сцежка не подчиняется воинской дисциплине. В нормальных условиях я знал бы, как с ним поступить. Но ничего, мы еще поговорим.— Дзядек произнес это спокойно, но чувствовалось, что спокойствие давалось ему нелегко. Он вытер потный лоб усталым движением.

Ваня протянул Затору коробку с сигаретами.

Затор подумал минутку, потом взял одну не спеша, словно бы нехотя, чтобы русский не подумал, будто у них в отряде нет курева.

Дик, стоявший у окна, обернулся.

— К вечеру все будет кончено,— хмуро сказал он.— Немцы минометы подтягивают...

— Кончено? — послышался голос Дробного. Он был сильно пьян и только теперь понял по-настоящему всю серьезность положения.— Я не хочу умирать! — слезы потекли у него по щекам.— Не хочу! Я и жизни-то еще не видел по-настоящему! Дядя умрет — мне наследство достанется... А раньше, до войны, я в подвале с родителями жил...

Станьчик с силой ударил его по лицу. Дробный мгновенно перестал всхлипывать.

— За что бьешь? Я тебя! — рассвирепел он.

— Дерьмо ты, понимаешь? Дерьмо! — Лицо капитана выражало гадливость и презрение.

Дробный поплелся в темный угол около лестницы, отгороженный частью уцелевшей стены. Там, в полумраке, неподвижно лежала

Марына. На лице Дробного появилось выражение напряженного внимания. Он скользнул жадным взглядом по ее телу. Алкоголь придавал ему смелость. Дыхание его стало тяжелым и прерывистым.

— Кто там? — Почувствовав на себе чей-то взгляд, Марына резко приподнялась.

— Это я, не бойся... Я знаю, ты жила с русским... Можешь и со мной,— шептал он бессвязно.— Я врал. Все неправда, что я говорил.— Она оттолкнула его. Он бросился перед ней на колени. Марына с трудом отрывала от себя его руки, отворачивая лицо от пьяного дыхания.

— Я еще... никогда не знал женщин... Я тогда врал,— всхлипывал он.— Ты будешь первой... Я не хочу умирать, так и не узнав этого!

Вырываясь, Марына изо всех сил укусила его.

— Сука! — отдернул руку Дробный.

Подошедший незаметно Затор, прищурившись, смотрел на него. Марына торопливо оправила юбку, пригладила волосы.

Дробный сразу как-то сник под пристальным взглядом Затора.

— Убирайся отсюда!

Дробный не шевельнулся.

— Слышишь? Тебе говорю! — Затор повысил голос. Они стояли, с ненавистью глядя друг на друга.

— Сам убирайся,— огрызнулся Дробный.

— Затор! — послышался голос Станьчика. Тот повернулся и отошел. Дробный посмотрел ему вслед.

— Святой! — хмыкнул он презрительно, понемногу трезвея.— Все они святые!

Станьчик снова принялся снимать свои сапоги.

— Если я их теперь не сниму,— он обхватил голенище сапога,— то уж никогда! — Мышцы его тела напряглись.— Ох, черт! — Он вытащил из кармана конверт и, обернув им каблук, снова потянул.

Один из русских, наблюдавший за усилиями капитана, неожиданно вскочил.

— Прошу вас! — Он протянул руку.— Я филателист, собираю марки...— Он умоляюще смотрел на капитана. Тот оторопел.

— Марки? Ошалел, честное слово. Ну возьми, если тебе так надо.

— Большое спасибо! Дзенькую!

Он осторожно оторвал часть конверта вместе с маркой, поднес цветную бумажку совсем близко к глазам. Остальные молча следили за ним. Филателист пристально рассматривал свою добычу в лупу, неизвестно каким образом появившуюся в его руках.

— Нет, не может быть! Это как сон...— Филателист еще раз взглянул на марку.— И все-таки... Вот они, видны внизу! — вне себя от радости закричал он и пылко обнял Станьчика.— Ей богу, есть! Мечи! — Он задыхался от возбуждения, его худое лицо сияло.

— Да успокойся ты! — Доктор с трудом оттащил Филателиста от капитана.

— Хорошо вам говорить: «Успокойся». Ведь это мечи!

— Какие мечи?

— Да на марке же! Неужели не знаете?

Перед самой войной Польша выпустила марки с портретом короля Ягайлы. На этой марке, в самом низу, были изображены мечи крестоносцев, посланные полякам перед битвой под Грюнвальдом. Немецкое посольство выразило протест, и мечи пришлось заменить цветами. Марки с мечами стали редкостью. А эта вот каким-то чудом уцелела. Почитайте, что тут написано! — Он протянул ему марку.

— «Ge-ne-ral Gou-ver-ne-ment»,— медленно прочитал Доктор.

— Знаете, что означает этот штамп? Это ценнейшая марка из всех, какие я когда-либо видел. Я счастлив! Сегодня замечательный день!

— Ничего себе, нашел денек,— проворчал Доктор. Станьчик снова занялся своими сапогами.

— А жены у вас общие? — ни с того ни с сего спросил Сцежка сидевшего рядом с ним Бродягу.

— С чего ты взял? — удивился тот.

— А наш ксендз говорил, что у вас, коммунистов, все общее — дома, жены, дети, скотина... Это правда?

— Неправда.

— Значит, наш ксендз придумывал?

— Выходит, так.

— Врешь ты! — Сцежка даже подскочил.— Ксендз никогда не обманывает!

— А парикмахерские у вас есть? — вступил в разговор Дробный.

— Много. И еще какие, зеркал видимо-невидимо! — ответил Ваня, подошедший к спорщикам.

— У них всего много,— счел нужным вмешаться Дзядек.— Только почему-то в тридцать девятом у них винтовки на шнурках болтались.

— Нам капиталисты не помогали. Они уничтожить нас хотели. В разделе Чехословакии мы тоже участия не принимали,— отпарировал Доктор.

— А-а, товарищ политрук! — с деланным удивлением воскликнул полковник.— Так сказать, информация из первых рук, сразу видно! Но моих людей вы своей большевистской пропагандой не проведете. Они хорошо знают, что́ вы за люди.

— Я не политрук,— спокойно возразил Доктор, с трудом сдерживая негодование.— Я до войны изучал медицину. Бактериология значила для меня не меньше, чем марксизм. Но теперь я понял: мы можем погибнуть и еще много других, но надежда останется.

— Какая надежда? — тихо спросил Станьчик.

— Надежда на то, что когда-нибудь судьбы этого мира будут решать те, кто трудится для его блага. Надежда на победу правды!

— Вашей, конечно,— насмешливо фыркнул полковник.

Станьчик, что-то чертивший на полу острием ножа, поднял голову:

— Победа — это когда у людей будет одна правда для всех.

— Браво! — воскликнул Дзядек тем же

тоном, каким он обращался к русскому.— Действует, да? Они умеют говорить. Еще немного и...

Он не успел закончить: внезапный взрыв до основания потряс полуразрушенную базу. Пули с новой силой забарабанили в стены.

— Немцы атакуют! — Дик появился на лестнице. Наверху захлебывался пулемет, отражая немецкую атаку.

— Черт возьми! — Станьчик, так и не успевший стянуть сапоги, побежал за остальными.

— Экономьте патроны! — приказал своим Алеша.

Над базой с ревом пронесся самолет.

— Прячьтесь! — закричал капитан. — Бомбы!

Небольшие продолговатые капли оторвались от самолета и стремительно понеслись вниз. Партизаны укрылись в подвале. Грохнуло с такой силой, что все помещение заволокло пылью.

— Наверх! — скомандовал Доктор.

Немцы, развернувшись цепью, пошли в атаку. Снова заговорил пулемет. Маленькие серо-зеленые фигуры, почти сливаясь с землей, подползали все ближе и ближе...

— Что это ты грустный такой, Юзек? — Затор, вернувшийся первым, подсел к Шмелю.— Ну, прельстилась она им — бабы любят таких, из чужих стран,— но это пройдет, вот увидишь.

— Ничего я уже не увижу,— ответил

Шмель со странным спокойствием и тут же спросил: — Ну как, много швабов?

— Хватает...

Затор украдкой вздохнул, переведя взгляд со Шмеля на Марыну, которая в другом углу комнаты набивала пулеметные ленты.

В тесном и низком проходе показался Дзядек. За ним выросла подтянутая фигура капитана.

— Немцы играют с нами, как кошка с мышью. Их пехота постепенно осваивается с местностью, несколько солдат окопались поблизости. Вы заметили? — обернулся к нему полковник.

— Заметил.— Губы Станьчика скривились в горькой усмешке.— У нас даже нет возможности кончить жизнь подобно Ордону.

— Подобно кому? — не понял Дзядек.

— Тому, который подорвался вместе со своим редутом во время ноябрьского восстания.

— В отряде брожение, а вы чепуху мелете! — вскипел Дзядек.

— За час до смерти можно или молоть чепуху, или подводить итог жизни. Я предпочитаю первое.— Капитан изо всех сил пнул ногой деревяшку, валявшуюся на полу.

Затор, сидя у изголовья Шмеля, наблюдал за Алешей и Доктором. Русский командир развернул карту. Доктор отмечал на ней какие-то пункты, что-то записывая в блокнот. Иногда они обменивались короткими замечаниями.

— Если пойдем вместе с ними, может, и удастся прорваться,— кивнул на русских Затор.

— С ними? Ты что, рехнулся? — Дзядек пожал плечами и не удостоил больше ни одним словом казавшееся ему безумным предложение своего подчиненного.

— Пан полковник! — Голос русского командира заставил его обернуться. Алеша, приподнявшись на носилках, пристально смотрел на него. — Можно, конечно, сидеть здесь и ждать конца,— начал он, мешая русские и польские слова, — но я хотел бы знать, пойдут польские партизаны с нами на прорыв? Решайте! Времени мало.

— Вы хотите идти на прорыв? — Дзядек не мог скрыть своего изумления.

— Другого выхода нет.

— И где вы хотите пробиться?

— С севера: там лес ближе.

— Лучше через каменоломню, — вмешался в разговор Затор. — Там немцев меньше... — Он умолк, почувствовав устремленный на него холодный взгляд полковника.

— Одни мы не сумеем прорваться, — вполголоса заметил Дробный.

— У моего отряда другие планы, — отрезал Дзядек, нахмурившись.

— Как хотите, — сказал Алеша, потом повернулся к своим и скомандовал: — Приготовиться!

Поднялась суета. Русские быстро надевали вещмешки, проверяли автоматы, освобождались от лишних вещей, которые могли бы помешать во время прорыва.

— Прощай, друг! — услышал Сцежка чей-то голос и вдруг увидел совсем рядом Бродягу.

— Что он говорит? — не поняв его слов, Сцежка неуверенно обернулся к своим товарищам.

— Прощается с тобой, — пояснил Дик. Лицо Сцежки посветлело, смягчилось. Он крепко пожал большую и сильную руку Бродяги.

— С богом! — коротко сказал он и вернулся на свое место у стены.

Доктор поправил свой автомат и взглянул на Филателиста, который неожиданно остановился, о чем-то задумавшись.

— Ну? Чего ждешь?

Филателист, рассматривавший что-то в руках, тяжело вздохнул. Станьчик, устроившись у окна, перелистывал поваренную книгу. Филателист подошел к нему и молча положил на раскрытую страницу марку.

— Что это? — удивленно поднял голову Станьчик.

— Возьми себе... — начал было Филателист, но, так и не договорив, махнул рукой и быстро отошел. Станьчик, ничего не успев сказать, молча смотрел ему вслед.

— Все готовы?

Алеша, приподнявшись на носилках, давал последние указания. Наконец раздалась команда: «Вперед!»

Стуча сапогами, русские стали выходить. Алешу несли на носилках. Бродяга согнул руку в локте, проверяя, удобно ли висит автомат. Он хотел что-то сказать сидевшей

неподалеку бледной как полотно Марыне, но, заметив взгляд Шмеля, поправил вещмешок и тяжело побежал вслед за остальными.

Немцы сразу обнаружили русский отряд, и разрозненные автоматные очереди слились в сплошной гул.

— Сумасшедшие! Ведь всех их перестреляют как куропаток. Кажется, они решили прорываться к лесу, — хмуро сообщил Сцежка.

— Да ведь они пулемет оставили! — закричал вдруг Затор. — Надо поддержать их, а то не дойдут!

Несколько человек вскочили, намереваясь бежать наверх, к пулемету.

— На место! — Резкий окрик полковника подействовал словно удар кнута. Все снова уселись. Замолчали. Прислушались. Немецкие пулеметы строчили непрерывно. Воздух, рассекаемый сотнями пуль, дрожал и звенел так, что ушам было больно. Молчание становилось невыносимым, давило как свинец. Партизаны сидели не двигаясь.

— Настоящий ад, — негромко сказал Дик, глядя на Дробного.

— Нет, чистилище! — торжественно произнес Дзядек; его лицо выражало нескрываемую радость. Он встал, выпрямился. Казалось, в эту минуту он принимает непосредственное участие в каком-то особенно праздничном событии.

— Идиоты! Неужели вы не понимаете? Там — враги Польши, так пусть они убивают друг друга! Мы еще подождем, а потом...

— Русские — не враги! — взорвался вдруг Сцежка.

— Такие же крестьяне, как и мы, — поддержал его Затор, вставая. — Помочь бы им!

— Молчать! — рявкнул полковник сдавленным от бешенства голосом.— Бунтовать вздумали? — Лицо Дзядека от злобы перекосилось, правая щека нервно задергалась, он тяжело дышал. — Я здесь один решаю и приказываю! За неповиновение буду наказывать, а за измену — пулю в лоб! Запомни это, дурак!

— Я не дурак! — Широкие плечи Затора расправились. Он подошел ближе.— Я уважаю вашу седину, пан полковник, однако не забывайтесь! Сцежка дело говорит: русским помочь надо, а смертью мне не грозите — я не из пугливых.

— Как ты смеешь так говорить, негодяй! — В руке полковника блеснул пистолет. В последнее мгновение Станьчик успел схватить его за руку. Грохнул выстрел — пуля впилась в потолок.

— Опомнитесь, пан полковник! — Капитан боролся с командиром. — Ведь вы Затору жизнью обязаны! Я не могу...

— Чего не можешь, изменник? — Дзядек, удерживаемый за руки, обвел партизан ненавидящим взглядом. — Дик! — прохрипел он. — Стреляй в него! Это коммунист!

Неожиданным, резким движением Дзядек вырвался, схватился за пистолет, выстрелил... Станьчик пригнул голову, и это спасло ему жизнь.

— Представление перестает быть забавным! — Станьчик бросился на Дзядека, и оба покатились по полу. — Отберите у него оружие! — крикнул он.

— Негодяи! — хрипел Дзядек. — Бунтовщики! Мой отряд против меня!

Когда его разоружили, он сразу притих и весь как-то обмяк.

— Мои люди заодно с коммунистами! Для таких не стоит ничего... ничего... — Он закашлялся.

— «Мои люди», — передразнил Сцежка, останавливаясь перед полковником. Он задыхался от возбуждения и нетерпения, торопясь высказать все, что накипело у него на душе. — Для вас все люди — ваша собственность!

— Мы солдаты, а не убийцы, — уже на ходу крикнул Затор, взбегая по лестнице. Через минуту партизанский пулемет ожил.

— Когда мы жгли крестьянские хаты, уничтожали поля, — продолжал Сцежка, — вы говорили: «Это нужно для Польши». Когда мы стреляли в русских, вы говорили: «Христову веру защищаете. Дева Мария вас не забудет». А сегодня... сегодня я кое-что понял. Перед смертью, может, но смекнул все-таки что к чему. Неправильно это. Другое время идет и люди другие! — Он повернулся к товарищам, словно ища у них поддержки. — Если что не так говорю, скажите.

— Чего там, — раздались голоса, — твоя правда.

— Помните, пан полковник, жатву в Ясеньцах? — заговорил Дик. — Вы тогда принудили нас хозяину снопы вязать, у него людей не хватало, а тем временем немцы перебили отряд Дрваля. Мы так и не смогли им помочь. А потом в костеле пели «Боже, спаси Польшу».

— А-а, так и ты с ними заодно? — усмехнулся полковник. — Все никак забыть не можешь?

— Не могу. — Поручник подошел вплотную к Дзядеку, посмотрел ему в глаза. — Брата моего тогда убили, а это не забывается. Эх! — Он махнул рукой, понимая бессмысленность этого разговора.

— Ну-ка сядьте! — Станьчик отпустил полковника, почувствовав боль в раненой руке. Дзядек подчинился, но в глазах его сверкали злобные огоньки.

— Спасибо, «товарищ»! — выдавил он.

— Пан полковник, я попрошу вас...

— Я презираю тебя, презираю! Презираю вас всех! — Он обвел взглядом партизан. — Революции вам захотелось, свободы? Ничего не выйдет! Вы всегда будете стадом баранов, темной бандой недоумков. К счастью, это «всегда» продлится недолго. Не позже как сегодня от вас останется одно воспоминание! — и он злорадно расхохотался.

В проломе появился Дробный. Выражение лица его было такое, что все вскочили. Перестрелка стихла, только пулемет над их головами продолжал выпускать очередь за очередью.

— Вывешивайте красные флаги! — прошипел полковник.

На лестнице показались русские. Грязные, измученные до предела, они входили и рассаживались. Ваня, над которым склонился Доктор, стонал, обхватив руками голову. Алеша попросил положить его на прежнее место.

— Кажется, двоих не хватает, — шепнул Затор Дробному.

— Видно, швабы дали им жизни, — пробормотал Дробный.

— Проклятый гроб! — Ваня качался из стороны в сторону, уставившись в стену бессмысленным взглядом.

— Что он там бормочет? — спросил Дик.

— Водки хочет, пан поручник, — рассмеялся Дробный.

Марына гладила Ваню по волосам с материнской нежностью. Он постепенно успокаивался.

Сцежка подошел к командиру русских, остановился и вдруг неожиданно наклонился. Лезвием своего ножа он провел на полу линию, разделявшую помещение на две части. Партизаны молча наблюдали за ним.

— Вот что, — заявил он. — Будем решать по доброй воле. Кто хочет идти с русскими, пусть становится на эту сторону, — он показал рукой. — Кому это не по душе, пусть переходит туда. Пан полковник тоже может выбирать. Потом посоветуемся, что и как дальше делать.

Воцарилось молчание. Русские, не зная, что произошло в их отсутствие, удивленно переглядывались. Сцежка первый без колебаний переступил черту. Вслед за ним и остальные перешли к русским. По ту сторону остались только Дзядек и Шмель.

— Шмель, с кем же ты? — спросил Затор.

Раненый приподнялся. Напряженно вглядываясь в стоявших перед ним товарищей, словно видя их впервые, он думал, думал

долго, потом молча кивнул головой на полковника.

Решение Шмеля взволновало польский отряд.

— Смотри, как бы потом не пожалеть, Юзек, — предупредил Сцежка.

— А кто нами командовать будет, уж не ты ли, Сцежка? — Дробный, залихватски засунув руки в карманы, иронически поглядывал на него.

— А ты, я вижу, тоже не прочь? — прыснул Затор, и его веселость передалась остальным.

— Командовать будет тот, кто останется в живых, — серьезно сказал Дик.

— Правильно! — Сцежка повернулся к командиру русских: — Пойдем вместе! Может быть, и удастся пробиться. Вижу, что ваши люди измучены, но надежда все же есть. Кто-нибудь да переберется на ту сторону. Два отряда — не один. Ну, как?

— Пойдем! — Алеша взглянул на своих, они согласно кивнули.

— Скажи ему, что ваш отряд тоже стал красным, — вмешался Дзядек. — Тогда им станет ясно.

— Все и так, пан полковник, яснее ясного, — отозвался Дробный.

— Надо, чтобы кто-нибудь остался у пулемета, а то далеко не уйти. Кто хочет? — спросил Станьчик, и все головы повернулись к нему.

— Я! — послышался голос Шмеля.

— Юзек! — Марына кинулась к нему, но он оттолкнул ее резким движением.

— Я хоть и не с вами, но сумею неплохо взгреть фрицев, как бывало прежде. Догово-

рились? — Его глубоко запавшие глаза с тревогой бегали по лицам партизан.

— Не справишься, Юзек, без помощника. Кто тебе ленты подавать будет? Тогда и я останусь, — проговорил Сцежка.

— Нет, я! — Филателист одернул на себе кожаную куртку. — Мне помирать не страшно, да и стреляю я хорошо.

Шмель приподнялся. Взгляд его горящих, обведенных темными кругами глаз перебегал от одного партизана к другому с выражением нечеловеческого напряжения.

— Братцы, да поймите же, ведь только на это я еще и способен. Моя песенка уже спета, но стрелять я смогу! — говорил он, и столько силы было в его словах, что все замолчали.

Немцы снова усилили огонь. Надо было торопиться.

— Пусть остается, — решил наконец Сцежка. Впервые в истории отряда Дзядека кто-то осмелился распорядиться, не испросив согласия командира.

Алеша подтянул к себе объемистый узел. В его руках блеснула пулеметная лента.

— Вот патроны.

— Лучше всего прорываться через каменоломню. Дорога трудная, зато немцы там нас не ждут. Мы их застанем врасплох. — Станьчик подошел к Алеше. — Вы меня понимаете?

Командир русского отряда несколько мгновений смотрел ему прямо в глаза.

— Понимаю.

— Дальше начинается лес, — сказал Затор. — Если до него доберемся — все в порядке.

— Не все дойдут,— сказал Доктор.

— Я, например, не дойду, — убежденно произнес Алеша. — Вам снова придется меня нести, а это уменьшит ваши шансы. Я останусь здесь.

— Что ты говоришь, Алеша! — заволновался Бродяга. — Как же мы без тебя? Нет, ты должен идти с нами! Без тебя нет отряда, нет будущего, нет... жизни!

— Ты сам говорил, что настоящий коммунист должен беречь не только жизнь других, но и свою тоже, — присоединился к нему Филателист.

— Так то было в лагере...

— Ну и что? Разве там была другая правда? Думаешь, такой человек, как ты, не будет нужен после войны?

— После войны... — Алеша улыбнулся. — Не говорите глупостей.

— Ну так как же? — Станьчик, не понимая всего, что говорили русские, смотрел вопросительно.

— Я считаю, что путь через каменоломню самый удобный, — ответил Алеша. — Идите туда!

— Без тебя не пойдем, — твердо заявил Доктор.

— Со мной вам не спуститься! Видели эти скалы? Почти отвесные... Ничего не выйдет!

— Попробуем, риск не велик, — подал свой голос Ваня.

— А-а, наш герой пришел в себя, — улыбнулся Алеша.— Ну, как дела?

— Голова у меня крепкая, сибирская,— ответил Ваня. — Все уже прошло. Только в од-

ном ухе звенит, будто туда фабричный гудок вставили.

— Ты на него не обращай внимания,— посоветовал командиру Бродяга.— Он сейчас еще, пожалуй, в пляс пустится. Вот с тобой — другое дело. Но запомни: у нас на селе так говорят: «Когда приходит смерть, постарайся договориться с ней о другом дне».

— Ну что ж, — Алеша пожал плечами, — попробую. Я, правда, много раз уже с ней уславливался, может, ей надоело со мной возиться?

— Выходим все сразу! — Станьчик повернулся к Затору. — Перенесите Шмеля к пулемету.

Несколько человек подняли носилки, на которых лежал Шмель.

— Сколько на твоих?

Станьчик, посмотрев на разбитый циферблат часов, подошел к Шмелю. Тот взглянул на свои.

— Семь... Девятнадцать, — поправился он.

— У кого есть часы, поставьте на девятнадцать.— Станьчик осмотрел отряд.— Мы должны начать одновременно. Выходим через пять минут.

— Всем приготовиться, — скомандовал Алеша.

Шмель чувствовал себя все хуже и хуже. Окружающее отступило куда-то далеко в темноту. Он погрузился в забытье. В этот момент носилки, на которых он лежал, закачались, поплыли, и дуновение прохладного ветерка приободрило его.

— Юзек, Юзечек... — Марына прижалась мокрой от слез щекой к лицу мужа. Он лежал с закрытыми глазами, но открыл их, почувствовав прикосновение ее губ. Сцежка, заметив его бледность, забеспокоился:

— Юзек, ну как ты, справишься?

— Справлюсь, не бойся.

Они уже достигли самого верха каменной насыпи. Вокруг свистели пули. Дик и Филателист на четвереньках отползали от пулемета.

— Встретишь их с той стороны. Целься немного выше. — Сцежка показал направление. Шмель кивнул. Дробный смотрел на него с нескрываемым удивлением.

— Неужели он остается? — спросил он.

— Иди вниз! — приказал Сцежка. — Иди!

Дробный ушел. Они остались одни.

— Юзек, — тихо начал Сцежка, взглянув в глаза друга. — Ты помнишь судьбу Топора? Помнишь, что с ним немцы сделали?

— Помню, живым не дамся! Не беспокойся, дружище, иди! Не теряй времени!

Сцежка ушел. Шмель взглянул на часы, потом устроился поудобнее, подтянул поближе запасные ленты, осмотрел пулемет. Он был весь искорежен, но, нажав на гашетку, Шмель убедился, что эта развалина послушна и работает легко.

— Пан полковник, идемте с нами. — Станьчик подошел к полковнику, неподвижно сидевшему около раскрытого мешка с медикаментами.

— Благодарю за приглашение, «товарищ» капитан, — язвительно заметил Дзядек и поднялся. Лицо его настолько изменилось, что

партизаны, русские и поляки, готовые к выходу, смотрели на него с удивлением. Дзядеку стоило большого труда овладеть собой. Он одернул китель, отряхнул брюки.

— Я думаю, вам пригодится... и не только вам! — Он выпрямился, как на торжественном смотре, и снова стал вышколенным, самоуверенным офицером. Его лицо выражало каменное спокойствие и презрение. — Думаю, что вам будет полезно посмотреть, как умирает за родину польский офицер, который не забыл, что такое честь.

— Пан полковник, не лучше ли жить для нее? — возразил Станьчик.

— И это все, что вы можете мне сказать?

— Да.

— Благодарю за совет. А теперь попрошу избавить меня от вашего общества.

Станьчик вспыхнул и повернулся.

— Вперед! — негромко скомандовал он.

Отряд начал подниматься по лестнице. Полковник проводил партизан холодным взглядом. Ни один мускул не дрогнул на его лице, и только когда затихли шаги, когда он окончательно убедился, что они все-таки ушли, выражение его лица мгновенно изменилось.

— Не позволю! — закричал он сдавленно. — Мой отряд остается здесь, со мной! Я приказываю! — Он стоял на рассыпанных по полу лекарствах. Губы его злобно искривились, глаза блуждали. — Польский отряд остается здесь, понятно?! Здесь и только здесь! Я приказываю! Стойте! Сволочи! Изменники! Расстрелять! — Он сделал шаг впе-

ред, давя разноцветные коробочки и склянки с лекарствами.— Весь отряд...— С пересохших губ слетали хриплые обрывки фраз. Он закашлялся, надрывно, со свистом. — По моей... команде... шагом марш! Все под суд!

Дзядек упал на пол, захлебываясь от кашля и истерических рыданий.

От взрывов гранат все вокруг содрогалось. То и дело высоко в воздух взлетали фонтаны черной земли. Партизаны появились с левой стороны. Шмель разглядел куртку Затора, развеваемую ветром юбку Марыны, сгорбленные фигуры людей, несущих носилки с Алешей. Выпустив несколько очередей, Шмель почувствовал радость и облегчение: ему казалось, что его руки удлиняются и достигают позиции врага. Прекратив на минуту огонь, он быстро протер заслезившиеся от напряжения глаза, потом снова склонился к прицелу.

Немецкие пулеметы строчили безостановочно. Один из партизан вдруг на ходу как-то странно изогнулся и рухнул навзничь. Через секунду другой упал на колени и, подняв словно для молитвы руки, повалился, придавленный тяжестью вещмешка. Партизаны с трудом бежали по густой траве, как-то странно подпрыгивая и неестественно высоко поднимая ноги. Гряда огромных камней, за которыми начиналась каменоломня, приближалась невероятно медленно. Используя малейшие неровности местности, партизаны залегали и яростно обстреливали из автоматов опушку леса, где засели немцы. В подобной обстановке приказы были излишни: каждый

действовал по собственной инициативе, применяя весь свой опыт и умение.

Филателист, бросив на бегу гранату, внезапно пригнулся, словно пловец, приготовившийся к старту, и упал. Партизаны вскочили для последнего рывка. Взрыв тяжелой осколочной гранаты, вероятно, ошеломил немцев: стрельба немного утихла.

— Маруся, скорей! — крикнул Бродяга, видя, что она остановилась. Но Марына не тронулась с места, как будто не чувствуя грозящей ей опасности. Какое-то мгновение она стояла выпрямившись во весь рост и широко раскрытыми глазами смотрела на развалины базы с особенным выражением. Потом быстро повернулась и побежала обратно.

— Куда?! — закричали ей вслед несколько голосов.

Но Марына ничего не слышала, да, впрочем, и вряд ли она могла услышать этот крик сквозь грохот рвущихся гранат и треск пулеметных очередей. Добравшись до укрытия, партизаны оглянулись на развалины базы и заметили женскую фигуру в темном проломе стены.

Станьчик и Бродяга короткими очередями обстреливали опушку леса, укрывшись за невысокой насыпью над обрывом. Вокруг непрерывно свистели пули. Казалось, будто весь огонь немцев сосредоточился на этом участке. Желоб, служивший прежде для сбрасывания камней, уходил вдаль, покачиваясь на столбах и скрипя.

— Спустились! — сообщил Станьчик, загля-

нув вниз. — Теперь очередь за вами! Я буду вас прикрывать. Старайтесь скорее добраться до леса!

— Ну как, справишься? — спросил Алеша, обращаясь к Бродяге.

— Справлюсь, голубчик, вот только встану сначала. Сподручней будет. — Широко расставив ноги, он стал медленно подниматься. Вдруг он дернулся, согнулся с выражением болезненного недоумения на бородатом лице, широко развел руками, как бы желая обнять весь мир, и, прежде чем его успели подхватить, рухнул вниз.

— Лезь ты! — бросил Алеша Станьчику, хватаясь за автомат. — Я останусь!

Станьчик начал сползать по почти отвесной стене, подолгу выискивая опору для рук и ног. Преодолев с огромным трудом несколько метров, он заколебался, а потом и вовсе остановился.

Алеша бил короткими, отрывистыми очередями. Он экономил патроны, стрелял только наверняка. Станьчик взглянул вверх, но ничего не увидел. А там, за неровным краем обрыва, лежал человек, который думал о нем и, жертвуя собой, спасал ему жизнь. Станьчик больше не раздумывал. Он снова вскарабкался наверх и подполз к Алеше.

— Держись за меня! — крикнул ему Станьчик. — Попробуем пройти вон там! — указал он на желоб.

Раздумывать было некогда. Капитан помог Алеше перекинуть ноги через край желоба, и они оба повисли над пропастью. Затрещала натянувшаяся проволока — спуск по желобу

начался. Поддерживая товарища, Станьчик то и дело больно ударялся головой о стенки желоба.

Несмотря на его усилия, они спускались все быстрее. Алюминиевые пуговицы на мундире Станьчика царапали по желобу, ткань с треском рвалась в куски. Кое-где попадались заржавевшие болты, скрепляющие отдельные части желоба. Хотя Станьчику не удавалось задержать движение полностью, он все же немного замедлял быстрое скольжение. Желоб угрожающе раскачивался.

— Надо было снять сапоги! — заметил Алеша.

Станьчик видел, как шевельнулись его губы, но смысл сказанных слов дошел до него не сразу, а когда он понял, то им овладело бешенство. Руки его, расцарапанные острым краем желоба, кровоточили. Беглое замечание о сапогах, сделанное русским именно теперь, показалось ему прямо-таки издевательством.

— Черт бы тебя побрал! — шипел Станьчик. — Черт бы тебя побрал! — повторял он, перебирая руками край желоба. В некоторых местах желоб прогибался под тяжестью их тел. Между тем выстрелы все приближались. Вот уже в желобе появились дырочки от пуль, их становилось все больше и больше. Станьчик разжал руки — движение резко ускорилось, тогда он, морщась от боли, снова ухватился за край. Раненая рука ныла нестерпимо. Земля стремительно приближалась. Станьчик тормозил изо всех сил, стараясь смягчить падение. Наконец он почувствовал

под ногами твердую землю и облегченно вздохнул, вытирая руками окровавленное лицо.

Надо было немедленно действовать.

— Держись! — Станьчик взвалил Алешу на спину и пошел, раскачиваясь как пьяный. Он чувствовал, что не дойдет, не сможет дойти до цели, и все же шел, шел из последних сил. Пули свистели вокруг них, с визгом ударялись о камни, высекая искры. Капитан споткнулся и, потеряв равновесие, упал.

— Там...— прохрипел он, указывая рукой вперед, но закончить так и не смог: силы окончательно оставили его. Он лежал на камнях, беспомощно раскинув руки.

Они находились на открытом месте. До спасительных кустов и деревьев было уже совсем недалеко. Тогда Алеша с искаженным от боли, залитым потом лицом обхватил Станьчика за плечи и, упираясь ногами о камни, потянул его за собой.

Только когда их окружили кусты, он упал рядом со Станьчиком, совершенно обессиленный. Так они лежали некоторое время. Потом Станьчик сел, осмотрел свои окровавленные руки, согнул и разогнул пальцы. Услышав вздох Алеши, капитан повернулся к нему, с большим трудом, превозмогая боль, сунул руку в карман брюк и долго шарил там. Наконец он вытащил прямоугольный предмет, блеснувший на солнце. Алеша следил за его движениями. Выстрелы понемногу утихали. Послышался треск раздвигаемых кустов, и из зарослей появились Доктор и Сцежка.

— Как вам удалось добраться? — с изумлением спросил Доктор, глядя на них.

Дрожащими пальцами Станьчик вытащил из портсигара сигарету, ту самую единственную, бережно сохраняемую сигарету. У него не было сил даже зажечь спичку. Подскочивший Сцежка помог ему прикурить. Станьчик затянулся, выдохнул и поднес драгоценную сигарету к губам Алеши. Тот жадно потянул и окружил себя белым облаком дыма.

Ежи Пшезьдзецкий

КОНЕЦ. (Повесть)

М., Воениздат, 1965. 144 стр.

Редактор *Пономарев А. П.*

Литературный редактор *Канторович Г. А.*

Худож. редактор *Гречихо Г. В.* Художник *Калиничев А. Д.*

Техн. редактор *Кузьмин И. Ф.* Корректор *Поволоцкая А. С.*

* * *

Сдано в набор 29.9.64 г. Подписано к печати 24.12.64 г.

Формат бумаги $70 \times 90^1/_{32}$ — $4^1/_2$ печ. л. = 5,265 усл. печ. л.

5,073 уч.-изд. л. Тираж 50 000. ТП 1965 г. № 175

Изд. № 10/5688 *Цена 35 коп.* Зак. № 1326

* * *

2-я типография Военного издательства Министерства обороны СССР

Ленинград, Д-65, Дворцовая пл., 10